

РОСТИСЛАВ ТУРОВСКИЙ

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Эволюция географии как академической науки в 20-м в. привела к выделению в ее составе целого ряда дисциплин гуманитарной направленности. Одной из них стала культурная география. Подобно многим географическим дисциплинам, ее одновременно можно назвать наукой древней и очень молодой. Этот парадокс объясняется тем, что описание географических особенностей культуры имеет многовековую историю. С незапамятных времен каждый путешественник считал своим долгом отметить, какие традиции, нравы, обычаи характерны для посещенных им земель, чем отличаются населяющие их народы от того народа, который представляет сам автор. По сути, описания путешествий были первыми культурно-географическими работами, пусть не «аналитическими» и в чем-то наивными, но зато ярко и образно раскрывающими культурную мозаику нашей планеты¹. Но как строгая наука со своим методологическим аппаратом культурная география возникает только в 20-м столетии, когда долгое накопление фактического материала о культурном разнообразии ойкумены, наконец, приводит исследователей к необходимости синтезировать этот материал, выявить взаимосвязи и закономерности, построить географические модели. В этот момент и происходит рождение культурной географии.

¹ Не случайно даже в наше время тема путешествий и их образов находит свое отражение в научных работах и культурно-географических эссе Д. Замятина.

Культурная география появляется на стыке двух «больших» наук — культурологии и географии. Заметим, что ни та, ни другая до сих пор не обладают должной академической строгостью, и качественно новое развитие их теоретических оснований тоже происходит в 20-м в. Известно, например, что в западной науке понятие «культурология» не имеет широкого хождения, хотя в современной России оно получило быстрое признание в силу своей краткости и емкости. Получается, что культурная география появилась на этапе, когда ее «прародительницы» культурология и география находились в поисках собственной идентичности, что наложило свой отпечаток на ее развитие. Ее некоторая «сырость» в смысле отсутствия жесткой методологической заданности, «рамки», на наш взгляд, не является признаком ущербности, недоразвитости. В ней еще многое зависит от авторского подхода, от творческого порыва, она в чем-то уходит от позитивной науки и приближается к искусству, но искусству не одного лишь описания местностей в духе путешественников прошлого, но и выявления связей между элементами культуры, между культурой и природой, между культурой и другими сферами жизнедеятельности в географическом пространстве. И это помогает по-новому взглянуть на мир и осмыслить ход истории в пространственно-временном континууме.

1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Первые признаки зарождающейся культурной географии можно обнаружить в исследованиях культуры. По сути, культурная география вышла из культурологии, поскольку последняя никогда не могла обойтись без географического подхода. Это легко объясняется тем, что, наверное, ни в одной другой общественной науке пространство не играло такой большой роли. Философия, социология и даже история легко уходили в область абстракций, в то время как культурология всегда знала и подразумевала конкретную территорию, поскольку ее исследования были привязаны к конкретным

точкам, ареалам, населенным носителями определенной культуры. Поэтому и все основные направления и подходы в культурной географии появляются на том этапе, когда эта дисциплина еще не отделилась от культурологии.

Первое направление предполагало выделение и разграничение культурных пространств, население которых характеризовалось определенными культурными признаками. Причем такие исследования проводились на разных территориальных уровнях. Одни авторы были ориентированы на геокультурную глобалистику и занимались выделением культурных пространств мирового уровня, слагающих единое и в то же время крайне дробное пространство мировой культуры. Другие определяли небольшие узкоспециализированные ареалы, в которых проводили специальные полевые исследования.

Первые шаги в направлении к культурной географии делают те ученые — философы и историософы, которые отказываются от рассмотрения «мировой истории» как единого процесса и «мирового пространства» как единого целого с определенными культурными доминантами — «образцами», например, западноевропейского происхождения. С точки зрения современной науки их работы представляли собой первую попытку районирования ойкумены, ее деления на культурные пространства, отличающиеся своей яркой индивидуальностью. Они предлагали цивилизационный подход, в соответствии с которым мир делится на множество цивилизаций, каждая из которых «по определению» занимает некое пространство (Маркарян, 1962; Ерасов, 1994). В некоторых работах это направление называют культурно-исторической монадологией, выделяющей на территории автономные, уникальные культурные образования — «монады».

Географический подход в наибольшей степени был использован теми авторами, которые попытались найти территориальную привязку для всех мировых культурных пространств и подобрать топонимы, определяющие их местоположение. Это прежде всего — О. Шпенглер, А. Тойнби, Н. Данилевский и Л. Гумилев. Каждый из

них разработал свою теорию культурно-географического районирования мирового пространства.

Правда, само районирование было лишь намечено, поскольку границы культурных ареалов, занимаемых теми или иными цивилизациями, оказались расплывчаты, огромные пространства не вошли ни в один из них, акцент делался на самых ярких, действительно уникальных, великих культурах.

Не было и единого определения самих географических ячеек мирового пространства. А. Тойнби говорил о цивилизациях, О. Шпенглер — о высоких культурах, Н. Данилевский — о культурно-исторических типах, Л. Гумилев — о суперэтнусах. В исследованиях других авторов можно встретить понятие «субэкумена» как составная часть ойкумены: субэкумены понимаются как устойчивые коалиции культур с единой религиозно-философской традицией — западно-христианской, восточно-христианской, исламской и др.

Используя разные подходы, разные представления о структуре мирового культурного пространства, указанные авторы пришли и к разным схемам территориальной дифференциации мировой культуры.

Так, Н. Данилевский выделяет 12 культурно-исторических типов, некоторые из которых уже ушли в историю (13). При этом все типы имеют достаточно ясную территориальную привязку — египетский, китайский, ассирио-вавилонско-финикийский (или древнесемитический), индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический (или арабийский), германо-романский (или европейский), мексиканский, перуанский. В перспективе Н. Данилевский рассматривал формирование славянского типа. Его схема, таким образом, была динамичной, она подразумевала постоянное «брожение» культурной карты мира, исчезновение и появление культурно-исторических типов в разных ее уголках.

Во многом похожей и даже более простой оказалась схема О. Шпенглера, который выделил восемь великих культур, некоторые из которых также остались в прошлом. Это — египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская, майя, магичес-

кая (византийско-арабская) и фаустовская (западноевропейская) культуры (38). Причем, как и Н. Данилевский, знаменитый немецкий ученый считал новым центром культурогенеза российские земли, предполагая зарождение русско-сибирской культуры.

Позднее более сложную схему предложил английский историк А. Тойнби. В его основной работе «Постижение истории» рассматривается 21 цивилизация — эллинская, египетская, шумерская, мидийская, индская, хеттская, западная, православная (основная), православная (в России), иранская, вавилонская, сирийская, арабская, индуистская, китайская, дальневосточная (основная), дальневосточная (в Корее и Японии), андская, майянская, юкатанская и мексиканская (34).

Наконец, Л. Гумилев рассматривал различные суперэтнос как динамичные образования на культурной карте мира — западноевропейский «Христианский мир», византийский, мусульманский, монгольский, русский и другие суперэтнос, каждый из которых проходит или уже завершил свой жизненный цикл, поделенный на определенные этапы, отличающиеся особым состоянием этнической пассионарности (12).

Все эти хорошо известные работы знаменитых философов, историков и географов важны для нас и заслуживают первостепенного внимания по одной причине. Они представляют нам отправной точкой культурной географии. Ведь, по сути, это были первые попытки связать культуру и территорию в рамках единой научной концепции и рассмотреть динамику их отношений. Другими словами, *процесс культурогенеза был погружен в географическое пространство.*

При этом содержание отношений между культурой и пространством изначально становится предметом расхождений. Такие авторы, как О. Шпенглер и Н. Данилевский рассматривают именно индивидуальные культурные пространства, полагая, что взаимодействие между ними минимально из-за элементарного взаимного непонимания, глубоких ценностных различий, и, соответственно, что барьеры слишком высоки и ясно определены. Гипотеза о

жестких культурных границах опирается на представление о привязке культур к определенным природным ландшафтам, т.е. об определяющей роли природных факторов в дифференциации культурного пространства. Так появился подход, называемый натурализмом, или изоляционизмом. Ему, кстати, следовал и известный русский философ К. Леонтьев, рассуждая о культурных типах в своей знаменитой работе «Византизм и славянство» (24).

Другие исследователи, в т.ч. А. Тойнби и П. Сорокин, говорят о диалоге культур в синхронной и диахронной плоскостях. Их представление о географии культуры оказывается более глубоким и гибким, что подразумевает выделение большего числа «ячеек» и проницаемость культурных барьеров. Тем самым культурное пространство становится динамичным не только в историческом контексте, но и в каждый момент времени. Каждое такое пространство не столь жестко привязано к своим ландшафтам и не ограничено высокими барьерами. Культурогенез предполагает изменчивость культурных границ и рождение новых культур на стыках прежних. Этот подход является более современным, поскольку отражает объективную логику культурной глобализации 20-го в. Однако и в прошлом культурное взаимодействие существовало, поскольку вся мировая история, по сути своей, — это длительный процесс формирования и распада культурных пространств, распространения культурных инноваций и затухания инновационных волн, взлета и деградации культурных центров. И хотя интенсивность взаимодействия и культурного смещения резко усилилась именно в новейшее время, этот фактор был значимым всегда.

Само по себе изучение культур, а не культуры в единственном числе предполагает территориально дифференцированный, т.е. географический подход. В процессе формирования антропологии и этнографии американские и европейские исследователи осознают важность того факта, что культуру можно отслеживать в пространстве, определяя ее локализацию. В частности, этой линии придерживается Альфред Кребер, определивший понятие «культурный стиль»: каждая культура занимается выработкой собственного

культурного стиля, причем этот процесс не имеет завершения (46). Следует заметить, что А. Кребер оказал существенное влияние на развитие американской культурной географии и, в частности, на ее основателя Карла Зауэра (см. ниже). Это лишь подтверждает сделанное выше замечание о том, что именно культурология стала своеобразным инкубатором, из которого вышла культурная география.

Американская этнография, наряду с европейской историософией, становится вторым источником культурной географии. Этнографические исследования дают не только богатый фактический материал, но и наталкивают на мысль об особенностях локализации культурных типов и характеристик. Этот подход связывают с именем О. Мэйсона, который в 1894 г. дал классификацию индейских племен. Немного позднее на этой основе рождается теория культурных областей или ареалов (*culture area*), которая связывается с именами Э. Сепира и К. Уисслера. В отечественной литературе ее анализ провел Я. Чеснов (37).

Культурный ареал понимается как зона территориального распространения определенных локальных культурных типов и характеристик. Определенным образом локализованные комплексы культурных характеристик также именуются локальными культурами, или локальными цивилизациями. Изучение локальных культур становится еще одной географической формой постижения культурной карты мира. Но если философы и историки типа О. Шпенглера и А. Тойнби анализируют глобальную картину, то этнографы сосредотачиваются на мелкомасштабной этнической конкретике, не столько рассматривая территории великих культур, сколько прослеживая распространение определенных культурно-бытовых особенностей. В результате, наряду с крупномасштабным, глобальным подходом рождается средне- и мелкомасштабный, который рассматривает «малое» культурное пространство в виде локальных культурных комплексов и анализа распространения «частных» культурных особенностей.

Наконец, в контекст «подспудного» развития культурной географии вписывается и традиционная *культурная топология*. Имеется

в виду философский анализ географических антиномий «Север — Юг» и «Запад — Восток», отражающих аксиологическую поляризацию ойкумены. Как известно, эти противоположные топосы существуют на уровне философских абстракций, основанных, однако, на реальных фактах территориальной поляризации. Каждый из них ассоциируется со своими имманентными ценностями и смыслами, что ведет как к появлению известных максим типа кипплинговской, так и к сравнительным исследованиям, например, западных и восточных культур. Можно вспомнить хотя бы о сопоставлении западных и восточных религий, проведенном М. Вебером. Причем, в его исследования вмешался и элемент противопоставления северных и южных религиозных традиций, если учесть, что протестантизм укоренился в северной половине Европы, тогда как католицизм сохранил свои позиции скорее на Юге.

Культурная топология, по сути, означает определение стереотипных или доминантных культурных характеристик, ассоциируемых с различными топосами. В предельно возможной для географии абстракции это просто стороны света — варварский Север античных греков, таинственный для европейцев Восток, сравнению которого с Западом посвящено столько работ и художественных произведений. В целом же следует признать, что соотнесение культурной характеристики и определенного топонима, которое мы определяем как культурную топологию, является еще одним источником культурной географии.

Итак, в контексте развития культурологии культурная география сформировалась на базе нескольких направлений — цивилизационной историософии, культурной топологии и этнографических исследований культурных ареалов. Каждое из этих направлений по-своему подошло к ключевой проблеме территориальной структуры культурного пространства.

Также понятно, что *культурно-географический подход неразрывно связан с историческим контекстом.* Элементы пространственной динамики культурогенеза прослеживаются уже в работах основателей цивилизационного подхода: цивилизации подобно людям рожда-

ются, растут и умирают, занимая и «освобождая» для других определенные географические пространства. И всегда на планете есть точка, где можно ожидать новый культурный толчок, могущий дать начало новой великой культуре.

Проблема единства пространства и времени хорошо известна из философии. Для культурной географии пространство и время представляют единый континуум, в котором разворачивается процесс культурогенеза. В исследованиях культуры в этой связи возник термин «хронотоп», впервые использованный в психологии А. Ухтомским и введенный в литературоведение Л. Бахтиным. Последний считал, что в каждом литературном произведении есть определенная связь пространства и времени, и хронотоп как раз и представляет собой единство пространственных и временных параметров некой ситуации или какой-либо детали. Как замечал Л. Бахтин, «вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» (5). Смысл понятия «хронотоп» заключается в том, что оно позволяет ввести любое явление культуры в пространственно-временной континуум, т.е. ассоциировать его с определенным хронотопом. Другими словами, хронотоп позволяет определенным образом позиционировать культурное событие, явление, артефакт.

Неразрывная связь географии и истории позволяет провести аналогии между культурной географией и исторической наукой в том ее понимании, которое было дано знаменитой школой «Анналов». Как известно, историки, относящиеся к этой школе, ушли от традиционного повествования, описания событий, как правило связанных с политическими лидерами различных стран и межгосударственными отношениями. Взамен они предложили «тотальную» историю, рассматривающую не просто исторические события, но широкий исторический контекст, включающий социальные, экономические, транспортные и иные связи, бытовые особенности повседневности и др.

Традиция «тотального», синтетического описания и анализа очень много значит и для культурной географии. Она позволяет не просто

дать описание определенных культурных характеристик в их расположении и пространственной связи. Она позволяет привлекать обширный материал из смежных дисциплин — истории, экономики, социологии, этнографии и др., который дает возможность увидеть культуру не в отрыве от всего, т.е. просто как одно из многих «частных» направлений человеческой деятельности. Культура с этой точки зрения оказывается вписана в социально-исторический контекст. Описание территории, таким образом, становится комплексным и многоплановым. Оно сводится не к культуре, которая часто ассоциируется с религией, «бытовой» этнографией и искусством, а к культурам, характеризующим нормы поведения групп в «смежных» областях — экономике, политике, праве и др.

Еще одним важнейшим контекстом географического исследования культуры является природный. Огромные природные различия между территориями являются очевидным фактом. Столь же очевидная зависимость культурного развития от природных условий сама по себе предполагает, что анализ культуры в природном контексте вскрывает глубокие географические различия. В этой связи в культурологии сформировались культурно-экологический подход и направление, называемое экологической антропологией. Первый предполагает изучение взаимовлияния природной среды и культуры. Второй, представленный такими авторами, как А. Вайда и Р. Раппопорт, акцентирует проблему адаптации социальной системы к природной среде и ее влияние на эволюционные процессы.

Итак, анализ культурного пространства должен быть **структурным** и **синтетическим**. Третья его основная особенность — **динамизм**. В культурологии сформировался подход, нацеленный на изучение культурной динамики в пространстве. Он основан на понимании того факта, что каждое явление культуры имеет свое место рождения и пути распространения. С этим связано рождение таких известных направлений культурологии, как диффузионизм и теория культурных кругов.

В процессе развития культурологии в ее рамках сформировались несколько концептуальных подходов. В нашем случае наи-

большой интерес представляет *диффузионизм*, который рассматривал процесс культурной диффузии — распространения культуры и ее элементов из определенных центров (1). Диффузионизм сложился в противостоянии с эволюционизмом, который рассматривал единый мировой процесс культурной эволюции, обращая мало внимания на географические «дстали». Разумеется, диффузионизм и эволюционизм не исчерпывали и не исчерпывают содержания культурологии, поскольку существуют и другие методологические комплексы — структурализм, который проводит семантико-семиотический анализ культуры, и структурный функционализм, который рассматривает социально-динамические и организационно-регулятивные аспекты культуры. Однако в нашем случае, когда мы пытаемся проследить зарождение культурной географии, именно это направление представляет наибольший интерес своим «географизмом».

В своей борьбе с эволюционизмом диффузионизм определил примат перемещения над приматом развития, т.е. попытался вычленивать географическую составляющую в культурном процессе. Процесс культурной диффузии является географическим по своей сути. В первом приближении территории в соответствии с диффузионным подходом делятся на два типа — доноры и реципиенты.

В основе процесса культурной диффузии лежит аккультурация. В соответствии с теорией аккультурации, авторами которой являются Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц, данный процесс проходит через три стадии — принятие определенной культурной черты, адаптация местной среды к этой черте, реакция среды, которая может пойти как по пути усвоения, так и по пути отторжения. Процесс аккультурации имеет очевидную пространственную составляющую, поскольку доноры и реципиенты обычно локализованы в различных точках мирового культурного пространства. Можно сказать, что *культурная диффузия является территориальной проекцией аккультурации*.

Развитие диффузионизма происходит в начале 20-го в. преимущественно в Германии. В его основу положены две исследовательские операции.

Во-первых, это выделение культурных комплексов — устойчивых сочетаний культурных характеристик. Эти культурные комплексы именуется «кругами форм», или «культурными кругами». Следуя традициям отечественной географии, их можно было бы назвать территориально-культурными комплексами, поскольку авторами предполагалась их определенная локализация. Однако не следует считать, что авторы-диффузионисты предлагали определенную схему культурно-географического районирования мира в соответствии с картой культурных кругов, т.е. шли по пути О. Шпенглера и А. Тойнби. Выделяемые ими культурные круги не были столь жестко локализованы и, таким образом, не являются аналогами цивилизаций или «великих культур». Этнографы стремились не поделить культурную карту мира на части, а выделить устойчивые сочетания культурных элементов на основе исследований, проводимых в различных уголках земного шара, причем, как правило, для «вымерших», или «примитивных», культур. Изучение последних позволяло, по их мнению, приблизиться к истокам человеческой культуры, поиск которых часто был главной целью авторов.

Во-вторых, это изучение перемещения в пространстве культурных элементов, т.е. собственно диффузия. Теория диффузионизма исходит из представления о непрерывности культурного пространства. Это значит, что перемещение культурных характеристик происходит не скачкообразно, а «плавно» от места к месту.

Таким образом, диффузионизм решает следующие вопросы:

- определение культурных комплексов и центров их формирования;
- изучение путей перемещения культурных элементов;
- формирование пространственных культурных связей;
- образование новых культурных комплексов в результате переноса культуры в иные природные условия или взаимодействия между культурами.

Ведущими авторами, которые положили начало диффузионизму, были Э. Бернгейм и Л. Фробениус. Последний создает концепцию морфологии культуры и даже основывает во Франкфурте

в 1925 г. Институт морфологии культуры. В контексте развития культурной географии важно обратить внимание на тот факт, что морфология культуры имеет два измерения — пространственное (культурный круг, т.е. комплекс культурных характеристик, имеющий определенную пространственную привязку) и временное (культуры проходят через жизненные циклы).

Дальнейшее развитие этой теории ведет к углублению представлений о пространственно-временных аспектах культурного развития. С пространственной точки зрения к статике распределения культурных кругов на карте мира добавляется динамика *теории миграций*, исходящей из того, что культурные элементы, однажды возникнув, многократно перемещаются. Они могут как распространяться на большую территорию, так и смещаться из одного района в другой. При этом одной из ключевых исследовательских проблем становится поиск изначального круга, с которого началось развитие цивилизации. Некоторые ведущие авторы полагали, что в основании цивилизации лежит культура пигмеев (австриец В. Шмидт)). Также возникли школы, которые спорили по поводу «изначальности» двух древнейших центров культуригенеза — Египта (англичане Г. Эл-лиот-Смит и У.Д. Перри) и Месопотамии (вавилонская школа, представленная немецкими ассирологами Ф. Деличем и Г. Винклером).

Что касается исторического аспекта, то здесь обращает на себя внимание *концепция культурных слоев*. Такие авторы, как Б. Анкерманн и Ф. Гребнер говорят не только о сосуществовании культурных кругов в пространстве, но и об их последовательности во времени. Замена одних культурных кругов другими на одной и той же территории и ведет к формированию культурных слоев. Подобно археологам исследователи культуры вскрывают древние пласты местной культуры, определяя культурные комплексы, существовавшие в прошлом и прослеживая их влияние на современную культуру.

Ф. Гребнер вносит особенно ценный вклад в развитие диффузионизма. В своей известной книге «Методы этнологии», вышедшей

в 1911 г., он выделил шесть культурных кругов на материалах Австралии и Океании (эти круги возникли на догосударственном этапе и ассоциируются с «примитивными» обществами). По его мнению, предметные и институциональные культурные формы возникают однократно и неповторимо в определенных локализованных очагах, формируя тем самым культурные круги. Затем культурные формы распространяются в другие культурные общности, рассеиваются и затухают в пространстве. Одновременно происходит наложение культурных кругов, которое ведет к наслоению культурных форм в виде культурных слоев.

В продолжение диффузионистской традиции в Австрии возникает т.н. *культурно-историческая школа*, крупнейшими авторами которой являются Вильгельм Шмидт и его продолжатель Вильгельм Копперс (также среди наиболее известных авторов Й. Генкель и М. Гузинде). Эту школу называют венской, а ее печатным органом некоторое время служил журнал «Антропос» (34). К шести культурным кругам, определенным Ф. Гребнером, эти авторы добавили седьмой, в значительной степени соответствующий христианской традиции, которой придерживались сами авторы — ревностные католики (основными элементами этого круга «венцы» считали монотеизм, частную собственность, моногамию и государственность).

Таким образом, исследование основ культуриологии и связанных с ней наук, таких как антропология и этнография (этнология), позволяет выделить многочисленные элементы географического подхода, которые можно свести к трем направлениям.

1. Структурный анализ культурного пространства. Во-первых, цивилизационная историософия О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Данилевского и др. поставила вопрос о делении мира на особые культурные пространства, занимаемое теми или иными цивилизациями. Давно уже разрабатывается направление, которое мы определили как *культурософская топология*. В рамках диффузионизма исследовались культурные круги, в т.ч. «изначальные» с их определенной территориальной привязкой. Во-вторых, в этнографических исследова-

дованиях, в частности американских, была разработана концепция культурных ареалов или областей, отличающихся своими культурными характеристиками. Тем самым было положено начало разномасштабному *культурно-географическому районированию*, от глобального до локального.

2. *Динамический анализ культурного пространства*. Диффузионизм и теория миграций акцентировали проблемы миграции культурных элементов, их распространения.

3. *Синтетический подход*, который подразумевает разработку культурной проблематики в более широких контекстах. Во-первых, это «тотальное» рассмотрение культурного пространства в социально-историческом контексте. Зачатки этого подхода могут быть заимствованы у исторической школы «Анналов» и Л. Бахтина (концепция хронотопа). Во-вторых, изучение связи культуры с природными факторами, характерное, например, для географического детерминизма, экологической антропологии, культурно-экологического подхода.

2. ЗАРОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

Культурология 19-го — начала 20-го вв. лишь наметила возможные пути применения географического подхода в исследованиях культуры. Кроме того, на начальном этапе культурологии не сложилась как наука, и мы, говоря о культурологии, подразумеваем разнообразные историсофские, антропологические и этнографические работы данного периода. Однако такие вопросы, как распространение и перемещение культурных элементов и комплексов, являющиеся ключевыми для культурной географии, впервые были разработаны именно в этих исследованиях. В то же время культурология не могла решить такие специфически географические проблемы, как например, определение культурных границ. Другими словами, она не создала систему изучения культурной дифференциации мирового пространства, поскольку решить эту задачу могла только географическая наука.

Параллельно с описанными выше процессами, происходившими в этнографии и антропологии, география начинает разработку своих направлений гуманитарного свойства. Наиболее важным для нас из их числа становится *антропогеография*, формирующаяся в 1890-х гг. Это направление предполагает исследование отношений между человеком и окружающей средой, именно с него начинаются *human geography* и одно из ее важнейших направлений — культурная география. Главным представителем антропогеографии является знаменитый немецкий географ Фридрих Ратцель, который в своих работах «Народоведение» и «Земля и жизнь. Сравнительное земледоведение», изданных в России в начале 20-го в., ввел «человеческий элемент» в традиционную географию, представив вниманию читателей масштабную картину расселения народов и распространения культур.

Главным теоретическим основанием «ранней» культурной географии стал *географический детерминизм*. Здесь нет смысла подробно останавливаться на его специфике. Однако нужно отметить, что Ф. Ратцель, отдав свою дань географическому детерминизму, занимался и исследованиями культурной диффузии. И вообще у антропогеографии и диффузионизма есть много общего:

— теория миграции, предполагающая примат перемещения культурных ценностей перед многократным самостоятельным изобретением;

— принцип непрерывности, или континуитета, культурного пространства;

— концепция «кругов форм» — устойчивых комплексов культурных характеристик.

Однако довольно долго формирование культурной географии происходило в рамках географического детерминизма. В этом был определенный смысл, поскольку в силу известной логики развития географии наука сначала должна была исчерпать тему влияния природных условий на культуру, а потом уже перейти к более масштабным, многофакторным исследованиям.

Как географы, так и культурологи в начале 20-го в. делают акцент на роли природных факторов в культурогенезе. В этом

направлении работает известная американская школа К. Уисслера, одного из создателей концепции *culture area*². Появляются понятия «культурная экология» и «human ecology», и такие авторы, как Дж. Стюард исследуют воздействие природной среды на человека и его культуру в определенных местностях. Наконец, издают свои работы знаменитые последователи географического детерминизма Эллен Черчилл Сэмпл, Элсуорт Хантингтон, Альберт Перри Бригхэм и др.³

Рождение собственно культурной географии происходит во многом за счет отторжения географического детерминизма. Другим фактором, способствовавшим ее появлению на свет, было осознание недостаточности статичного описательного подхода в исследованиях особенностей распространения культурных элементов и форм. Именно понимание ограниченности этих двух подходов и стало тем самым импульсом, который заставил исследователей взяться за разработку нового научного направления.

Лидерами этого направления, возникшего в США, стали Карл Зауэр, который считается основателем культурной географии, и Веллингтон Джонс (50,51,47). Концепция культурного ландшафта, предложенная К. Зауэром, стала своеобразной реакцией на географический детерминизм⁴.

² Взгляды К. Уисслера изложены в книге «Relation of Nature to Man in Aboriginal America».

³ Наиболее известные работы Э. Ч. Семпи были изданы в 1903 г. («American History and Its Geographic Conditions») и 1911 г. («Influences of Geographic Environment»). А. П. Бригхэм в 1903 г. издал свою наиболее интересную для нас книгу «Geographic Influences in American History». Э. Хантингтон в 1907 г. выпустила книгу «The Pulse of Asia», внимания также заслуживают ее работы «Mainsprings of Civilization» и «The Human Habitat».

⁴ Изложение взглядов К. Зауэра на культурную географию можно, в частности, найти в его статье «Культурная география», опубликованной в «Энциклопедии социальных наук» в 1931 г. (Readings..., 1962).

К. Зауэр считал географический детерминизм некорректным. Он полагал, что география не определяется как исследование воздействий окружающей среды, поскольку нельзя априори считать, что природные факторы работают при формировании культурного слоя. Природное воздействие, по его мнению, нельзя ни принижать, ни отрицать, но не оно должно быть в основе культурно-географического исследования. Вместо этого он предлагает концепцию культурного ландшафта, который в его представлении отделяется от природного и состоит из творений человека. Другими словами, акцент переносится с изучения влияния природных условий на культуру, что было характерно для ранней антропогеографии и геодетерминистских концепций *human geography*, на собственно культуру, на человеческую деятельность, которая является самостоятельным ландшафтообразующим фактором.

К. Зауэр определяет последовательность развития культурной географии от Александра Гумбольдта через Оскара Пешеля и Фердинанда фон Рихтгофена к современным ему авторам. Он говорит о трех стадиях развития этой науки. На первой стадии проводилось простое описание особенностей земной поверхности, характерное для того же А. Гумбольдта. Далее следовал анализ их происхождения. Наконец, на третьей стадии авторы перешли к сравнительной классификации регионов. При этом К. Зауэр не вписывает в эту эволюционную схему антропогеографию Ф. Ратцеля и географический детерминизм, поскольку они противоречили его представлениям о культурной географии. Однако следует заметить, что именно эти направления послужили отправной точкой для развития концепции культурного ландшафта и вообще рождения культурной географии как самостоятельной науки, хотя она в значительной степени создавалась на их отрицании.

Культурная география понимается К. Зауэром как часть *human geography* — «англосаксонского» по происхождению научного направления, заменившего и поглотившего прежнюю «германскую» антропогеографию и вобравшего в себя все гуманитарные географические дисциплины. Принципиальной методологической пробле-

мой культурной географии он считает изучение структуры пространства, что перекликается с уже известными нам из культурологии исследованиями территориальных структур. Но в культурологии они были схематическими и разрозненными (учитывая нерешенные проблемы культурных границ, анализа территориальной динамики и пр.), а культурная география взялась объединить их в стройную систему. Конечная цель культурной географии совпадает с целью географии как таковой. Это — постижение и понимание пространственной дифференциации Земли. По сути своей, культурно-географический подход является хронологическим (11).

Также для культурной географии свойствен эволюционистский метод. Эта научная дисциплина рассматривает последовательность культур на определенной территории. Такое исследование перекликается с уже известной концепцией культурных слоев, анализирующей культурное пространство «в глубину».

Наконец, методологической основой культурной географии, по мнению К. Зауэра, является полевое исследование, которое базируется на морфологическом анализе. Эта особенность сближает культурную географию с физической, поскольку оба направления пользуются аналогичной методологией, хотя их предмет различен.

Итак, культурная география как особая дисциплина появляется в 1920-30-х гг., и происходит это в значительной степени благодаря усилиям К. Зауэра. Ее рождение было обусловлено процессами, развивавшимися с 19-го в. как в разноплановых исследованиях культуры, так и в географии. При этом, как считает тот же К. Зауэр, культурная география не опирается на определенную философию и не имеет единой доктрины. Индикатором, определяющим принадлежность исследования к культурной географии, он считает следование традиции прилагать идею культуры к географической проблематике.

Дальнейшее развитие культурной географии в американской науке связывается с формированием двух научных школ — калифорнийской и Среднего Запада (47). Калифорнийская школа рассматривает творения человека как явления культурного развития,

они определяются по их географическому происхождению, после чего отслеживается их распространение. Если проводить сравнение с культурологией, то можно установить связь этой школы с диффузионизмом.

В школе культурной географии, которая сложилась на Среднем Западе, творения человека рассматриваются в контексте функциональных проблем местной среды. Акцент делается на их использовании и экологических параметрах в рамках территориального комплекса. Таким образом, эта школа рассматривает культурные элементы как часть функциональных территориальных комплексов. Вместо эволюционистского подхода калифорнийской школы она предлагает функционалистский подход.

В дальнейшем, по мнению некоторых американских исследователей, намечился синтез этих двух направлений. Объединяющий подход предполагает, что развитие культурных комплексов происходит в определенных функциональных рамках. Таким образом рассматриваются и функциональная схема человеческой деятельности в данной среде, и культурное происхождение соответствующего образа жизни. В основе всего лежит единый культурный процесс.

В данном направлении культурная география эволюционировала к 1960-м гг. Предложенная К. Зауэром концепция культурного ландшафта не стала единственным и даже основным ее направлением. *Интегрирующим для культурной географии стал более общий подход, который предполагает исследование территориальных особенностей культурного процесса.* А здесь возможны и структурный подход, предполагающий анализ размещения культурных форм и районирование территории, и эволюционистский подход, изучающий распространение и диффузию явлений, и функционалистский подход, который исследует функциональное единство территориальных комплексов.

Такая постановка вопроса сохраняет внутри культурной географии поле для дискуссий о ее научной сущности, методологии и исследовательских целях. В соответствии с одним из представлений культурная география рассматривается прежде всего как социальная

наука. Однако и это понимание может быть различным, что ведет к *первой методологической проблеме культурной географии*. Так, если принять за основу номотетический подход, то культурная география прежде всего должна быть ориентирована на разработку определенных научных законов. В то же время идиографический подход предполагает, что все явления уникальны и не могут быть генерализованы. Соответственно, научные законы просто невозможны, и упор в исследованиях делается на изучении множества уникальных явлений, процессов, ситуаций, на их интерпретации и взаимосвязях.

В гуманитарных науках, к которым несомненно относится и культурная география, достаточно сторонников идиографического подхода. К их числу относились и многие современные теоретики географии, в связи с чем в США не раз возникали споры по поводу возможности или невозможности географических законов.

Еще одно расхождение возникло между логическим позитивизмом и феноменологией. Гуманистический, или феноменологический, подход предполагает прямое изучение и объяснение явлений вне зависимости от теорий и априорных концепций. Логический позитивизм, напротив, пытается ввести многообразие феноменов в более или менее жесткие теоретические рамки определенных закономерностей, логических взаимосвязей. В культурной географии гуманистический подход пустил глубокие корни, поскольку огромное многообразие культурных явлений благоприятствует именно такому постижению явлений, не «отягощенному» грузом теоретических рамок и все объясняющих законов. Хотя все это ни в коей мере не отрицает позитивистский подход, поскольку многообразие и разнообразность явлений, сложность предмета исследований не являются основанием для отказа от концептуальных рамок. Поэтому строгий структурный анализ культурного пространства имеет свои благоприятные перспективы.

Третье расхождение проходит между двумя типами детерминизма — культурным и природным. Культурный детерминизм, который, как считают некоторые авторы, заложен в европейской христианской традиции, представляет природу пассивным фактором, в то

время как человек призван продолжить процесс творения, под которым понимается перестройка «косной» среды. Со своей стороны природный, или географический, детерминизм, бывший столь популярным у исследователей начала 20-го в., акцентировал влияние природных факторов на человеческую деятельность. К настоящему времени обе разновидности детерминизма можно считать преодоленными, поскольку они не выступают в качестве базовых научных концепций. Обычно речь идет об изучении взаимного влияния культурной деятельности и природной среды.

К концу 20-го в. культурная география в общих чертах сложилась как наука. Это произошло и в мире в целом, и в России в частности. Мы намеренно оставляем за рамками настоящего исследования подробное изложение эволюции культурной географии в нашей стране, которое приведено в недавно вышедшей работе В. Стрелецкого (31). Наша главная задача, синтезируя зарубежный и российский опыт культурно-географических исследований, определить общетеоретическое и методологическое содержание культурной географии как науки.

3. ОСНОВЫ И СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

3.1. Методология культурной географии

Как мы увидели выше, культурная география сложилась на основе нескольких научных тенденций. Свою роль в ее формировании сыграли исследования культуры в ее территориальном аспекте, которые присутствовали у многих авторов. В частности, можно выделить подход американской исторической школы, которая проводила целевые исследования определенных районов, разрабатывая концепцию культурного ареала. География внесла свою лепту в виде страноведческих исследований, антропогеографии и работ в духе географического детерминизма.

При этом культурная география, несомненно, привносит новое знание в культурологию. Она в отличие от самых географических направлений культурологии не является совокупностью частных

исследований локальных культур. Ее задача — осуществить синтез данных о культурном пространстве и дать целостное представление о его территориальной организации и структуре, а также их пространственно-временной динамике.

География как наука имеет свои базовые концепты. Для того, чтобы яснее определить содержание культурной географии, следует их перечислить, а затем применить в отношении культуры.

Современные исследователи выделяют три основных географических концепта — положение, направление и расстояние (41). С их помощью описываются размещение и динамика культурных элементов. С этого начинается любое географическое исследование. Положение задает сам изучаемый объект, позиционирующийся в пространстве. Направление и расстояние показывают, как соотносятся между собой в пространстве различные объекты. Причем направление определяет и пути распространения явлений, т.е. придает пространственной структуре динамику.

Два других ключевых понятия — размер и масштаб. Они позволяют проводить культурно-географические исследования на различных территориальных уровнях с разной степенью генерализации. В одних случаях это будут глобальные исследования, продолжающие традиции цивилизационной историософии, в других — исследования отдельных небольших местностей, как у американских этнографов.

Затем географическое исследование рассматривает атрибуты мест, наделяя географические названия связанными с ними характеристиками. В результате место как бы оживает, и за топонимом оказывается скрыт большой массив разнообразной информации. Атрибуты мест могут быть двух основных типов — физические (природные) и культурные, включающие весь спектр информации о человеческой деятельности.

Постигая пространство, географ обязательно изучает плотность и дисперсию. Определяя «сгущения» и «разрежения» исследуемых объектов в пространстве, можно говорить об их плотности. Под дисперсией понимается рассеяние объектов в пространстве. С по-

мощью плотности и дисперсии описывают особенности распространения того или иного культурного явления.

Наконец, одним из важнейших элементов географического исследования является определение геометрической структуры, или паттерна. Распространение культурных явлений может быть в некотором приближении описано с помощью геометрических форм. Изучаемые объекты могут быть линейными или площадными, а последние могут иметь определенную геометрию. Функциональный анализ пространства часто позволяет представить его в качестве геометрической сетки.

Использование описанного выше географического подхода и его основных концептов и делает исследование культурно-географическим по сути и содержанию.

Как уже говорилось, культурная география является составной частью human geography, которая в свою очередь является одной из двух основных ветвей географии, наряду с физической (естественнонаучной) географией. Специфика культурной географии в рамках human geography определяется через предмет культурно-географического исследования, которым служит культура и ее влияние на окружающую среду и организацию пространства. При этом культурная география пересекается с другими дисциплинами human geography, такими, как социально-экономическая география, политическая география и география населения. Дело в том, что культура представляет собой такую сферу человеческой деятельности, которую невозможно выделить в чистом виде. Поэтому говорят о различных аспектах культуры — экономической культуре, политической культуре, поселенческой культуре. Эти аспекты изучаются и в культурной географии, и в соответствующих отраслевых направлениях human geography.

Определив методологическую основу культурной географии, необходимо выделить структурные элементы культурно-географического исследования. Здесь мы будем следовать традициям американской культурной географии, отличающейся наибольшей разработанностью подходов. Особый интерес представляют работы «пат-

риарха» американской культурной географии К. Зауэра и современного автора Т. Джордана (44,45). На основании этих работ можно выделить следующие основные темы культурной географии.

1. *Культура как предмет культурной географии.*
2. *Культурный район или культурный ареал как основной элемент структуры культурного пространства.*
3. *Культурный ландшафт как новое образование на земной поверхности, дополняющее или заменяющее природный ландшафт.*
4. *Культурная история и культурная диффузия, описывающие пространственно-временной процесс развития культуры.*
5. *Культурная экология, изучающая взаимодействие культуры и природы.*

Отличие подхода Т. Джордана от К. Зауэра заключается в том, что этот автор не выделяет культуру в качестве самостоятельной темы культурной географии, видимо полагая, что она по определению заложена в саму суть культурной географии и сама по себе не является культурно-географической концепцией. Также вместо культурной истории Т. Джордан акцентирует внимание читателей на более специфическом процессе культурной диффузии. Кроме того, он вводит новую тему — культурную интеграцию.

Поскольку предметом культурной географии является культура, необходимо определить, что мы подразумеваем, используя это понятие. Как известно, существует множество разнородных определений культуры. Под культурой можно понимать:

- виды деятельности, обычаев, верований;
- социально унаследованный комплекс практики и верований;
- правила, организующие человеческое поведение;
- комплексы норм группового поведения и социально значимых проявлений индивидуального человеческого творчества;
- коллективное и индивидуальное творчество.

В культурной географии широко используется целый ряд «безразмерных» общих понятий, которые тоже требуют определения.

1. *Культурная группа* — это сообщество людей, объединенных по одному или многим культурным признакам.

2. *Культурный объект* — образование на земной поверхности или часть земной поверхности, имеющее то или иное значение для культурной деятельности (созданное в процессе культурной деятельности, имеющее определенную культурную специфику, наделенное определенным культурным смыслом и т.п.).

3. *Геокультурная система* — совокупность культурных характеристик, привязанных к определенной местности.

Для культурной географии принципиально важен тот факт, что культура имеет территориальную организацию. Возможны три подхода к ее изучению — отраслевой, групповой и личностный.

Отраслевой подход предполагает изучение происхождения и распространения определенных черт культуры, которые проявляются во всех сферах жизнедеятельности, где есть коллективные, социально значимые нормы, обычаи, традиции. Наибольший интерес у исследователей обычно вызывают сложные комплексы религиозных ценностей. В быту и повседневной жизни культурные нормы могут определять систему расселения, особенности построения семьи, жилища, питания, транспорта, лечения болезней и др. В экономике культура регулирует способы ведения хозяйства. В политике существуют нормы и традиции, влияющие на систему управления, организацию власти, принципы государственного строительства, внешних связей, демократических голосований. Свои нормы складываются в сферах науки и образования, которые влияют на способы и формы познания окружающего мира и обучения подрастающих поколений. Особой сферой человеческой деятельности является искусство и связанные с ним праздники, развлечения, ценности.

Групповой подход фокусируется не на определенных культурных характеристиках, а на культурных группах, объединяемых общими культурными признаками. Критерии выделения культурных групп могут быть простыми — по одному признаку или сложными — по комплексу признаков. Чаще всего культурные группы определяются через их этническую или конфессиональную идентичность. Главными группообразующими факторами выступают язык, верования, этические комплексы.

Личностный подход сфокусирован уже не на группах, а на отдельных персоналиях — творцах культуры. Это могут быть авторы произведений искусства, выдающихся образцов культуры, создатели религий и философских учений, те, кого называют великими людьми и пассионариями.

Каждый из трех основных подходов в разной степени используется в основных направлениях культурной географии. Частные направления культурной географии определяются через структурные элементы жизнедеятельности.

3.2. Базовые направления культурной географии (география культуры)

Практически все отрасли географии культуры связаны друг с другом и выделяются достаточно условно. Также условно можно предложить их следующую градацию:

I. Направления, посвященные принципам выделения и изучения культурных групп в пространстве. Сюда относятся география религии, этническая география, лингвистическая география.

II. Направления, рассматривающие различные аспекты творческой деятельности культурных групп. Это — география искусства, география науки, география бытовой культуры, география народной культуры, география массовой культуры.

III. «Пограничные» направления, которые изучают культурно-географические аспекты в рамках предмета других географических наук. В эту группу можно включить географию экономической культуры, географию поселенческой культуры, географию политической культуры.

I. География культурных групп

1. *География религии.* Это направление широко применяет все три указанных выше подхода. География религии занимается анализом конфессиональной карты мира, исследуя распространение «частных» религиозных обычаев и верований, сложных комплексов, именуемых религиями, культурных групп, выделяемых по конфес-

сиональному признаку (27). Не последнее место в исследованиях занимает географический анализ деятельности создателей религий.

Простейшие исследования в рамках географии религии определяют в первом приближении конфессиональную структуру мирового пространства. Они обозначают распространение мировых религий и их основных течений. Все ведущие религии — христианство, ислам, буддизм, индуизм занимают обширные пространства, формировавшиеся на протяжении веков. Все эти пространства имеют свои исторические центры и периферии, «захваченные» сравнительно недавно (как «древняя» Аравия и «новая» Западная Африка в исламе). Все они обладают определенной структурой в соответствии с картой распространения многочисленных течений и ответвлений (например, буддистское пространство можно разделить на «северный» ареал махаяны, куда входит и т.н. ламаизм, и «южный» ареал хинаяны).

Наряду с разномасштабными исследованиями конфессиональной карты мира внимание исследователей часто привлекают компактные изолированные группы. Так, в США предметом специальных исследований стали территории проживания меннонитов.

Большой интерес представляет и исследование отдельных религиозных традиций. Часто оно позволяет по-новому взглянуть на конфессиональную карту мира, отвлекаясь от привычных границ и барьеров. Например, в качестве предмета для исследования можно взять распространение монотеизма или же отдельных культовых особенностей.

2. *Этническая география* — второе наиболее развитое направление культурной географии. В географическом ключе оно исследует проблему этнической идентичности. Наиболее важной задачей этнической географии является изучение распространения этнических и субэтнических групп. В США основателем этого направления считается Уолтер Коллморген.

К настоящему времени этническая карта мира изучена с достаточно высокой степенью точности и подробности. Однако это не

означает, что этническая география себя исчерпала. Так, одним из интересных вопросов этнической географии является этническая самоидентификация, которая достаточно изменчива, особенно в периферийных, пограничных районах. Также интерес представляет изучение компактных этнических ареалов, среди которых наиболее интересны изолированные, анклавные и реликтовые группы.

Если же взять историческую ретроспективу, то здесь этническая география сохраняет огромное поле для исследований. Прежде всего — это географическая составляющая процесса этногенеза, подразумевающая определение центров этногенеза и путей распространения этнической идентичности. Из географов, как известно, особенно подробно этот процесс исследовал Л. Гумилев, создавший свою географическую теорию этногенеза, где определялись зоны пассионарных толчков, давших, по мнению этого автора, начало процессам формирования этнических и суперэтнических общностей (12).

3. *Лингвистическая география.* В центре ее внимания находится еще один важнейший культурный признак — язык. Главным методом является структурный анализ, который проводится на нескольких уровнях, — языковые семьи, языковые группы, языки, диалекты и наречия. Самым простым и очевидным направлением лингвистической географии является картирование ареалов распространения лингвистических групп разного порядка.

Помимо распространения культурных групп, объединяемых по лингвистическому признаку, может исследоваться распространение отдельных лингвистических характеристик — фонетических, лексических и пр. В России усилиями филологов продуктивно развивалась география русского языка: созданы уникальные карты распространения наречий и диалектов, отдельных лингвистических особенностей. Например, в учебном пособии «Язык русской деревни» можно найти карты, показывающие распространение разных названий крестьянского жилища, различных названий одних и тех же орудий труда, кухонной утвари, фонетических норм и многих других (6).

II. «География творчества»

1. *География искусства* посвящена территориальным аспектам этого важнейшего направления в творческой деятельности человека. Большое значение в географии искусства имеет личностный подход, поскольку речь как правило идет о творчестве конкретных исторических персонажей. К числу наиболее важных исследовательских задач относятся определение центров искусства, мест зарождения, ареалов и путей распространения различных стилей, анализ связи произведений искусства с местами, в которых они создавались, и др. Так, на примере Европы можно подробно рассматривать процесс распространения готического стиля, ренессанса или барокко, особенно на примере архитектурных сооружений. Можно подойти к этому вопросу и с другой стороны и выделить точки и ареалы, в которых работали определенные авторы, например, итальянские архитекторы эпохи Возрождения и барокко. Одни строили Флоренцию (Ф.Брунеллески), другие — Рим (Д.Браманте), третьи — Венецию и др.

Более глубокий анализ творческой деятельности позволит нам определить, как территория повлияла на то или иное художественное произведение. Место может быть просто описано в данном стихотворении, романе или изображено на картине. Или оно может стать образцом или одним из нескольких образцов для вымышленного автором города или региона. Или каким-то еще сложным образом оно может повлиять на настроение автора, сюжетную канву или стилистику, и мы, определив, где было создано то или иное произведение, сможем сказать, как местная культурная среда, воспринятая автором, «подстрочно» отразилась в произведении искусства (это направление выводит нас на геоаксиологическую проблематику, см. ниже).

География искусства имеет свое внутреннее деление в соответствии с видами искусства. Например, оправдано выделение географии живописи, географии музыки, географии литературы, географии архитектуры, географии скульптуры и др. География искусства получила большое развитие в России, где ее основателем стал Ю. Веденин (10).

2. *География науки* раскрывает территориальные особенности научного творчества, а также связанного с ним образовательного процесса. Одно из возможных направлений — создание динамической картины распространения центров науки и образования. Например, на материалах Западной Европы можно исследовать развитие университетской сети в средние века. Большой интерес представляет изучение территориальных аспектов деятельности ведущих ученых — их территориального происхождения, мест научной деятельности, основных открытий и изобретений. Более сложным, но при этом очень важным является изучение распространения определенных культурных норм, характерных для научной деятельности и образовательного процесса, научных школ и течений.

3. *География бытовой культуры*. Это направление, как и этническая география, тесно связано с этнографией. Оно занимается вопросами распространения различных особенностей повседневной, бытовой культуры, используя прежде всего материалы этнографических исследований. Наиболее развитым течением является география типов жилищ и различных их деталей (двор, наличники, печь и пр.). Информацию о территориальных особенностях русской бытовой культуры, например, можно почерпнуть из атласа «Русские», вышедшего в 1967 г. (30).

Свою территориальную специфику имеют и другие характерные элементы быта — особенности питания, употребления тех или иных продуктов (например, основной мясной продукт — говядина, свинина, баранина или конина), традиционные транспортные средства, тяговая сила и др. Наконец, свою географию имеют особенности семейной жизни — распространение моногамии и полигамии, патриархата и матриархата, семейной общины-задруги и др.

4. *География народной культуры*. Если география искусства в большей степени затрагивает вопросы индивидуального творчества, ассоциируемого с конкретными авторами, то география народной культуры работает с образцами искусства народного происхождения, характерными для целых групп, стран и народов. Предметом исследования могут стать фольклорные традиции — народные пес-

ни и танцы, сказания, былины. География народной культуры также может рассматривать праздники, традиционные развлечения, спортивные игры. Следует заметить, что география народной культуры достаточно статична, и для нее более правильным оказывается структурный подход, нацеленный на выявление определенных культурных районов.

В американской культурной географии широко используется понятие «folk geography», автором которого является Юджин Вильгельм. Соответствующие исследования оказались распространены в США и стали важной деталью американской культурной географии, несмотря на то, что казалось бы очевидное для европейского исследователя отсутствие глубоких исторических традиций (45). Однако справедливости ради следует сказать, что сложная полиэтническая основа американского общества с множеством компактных территориальных сообществ, имеющих ярко выраженную этническую или профессиональную специфику, способствовала сохранению своеобразных «убежищ» народных традиций, как правило перенесенных на американскую почву из других стран. В качестве одного из таких ареалов в американской folk geography часто рассматриваются Озарки — холмистая местность на юге штата Миссури с германоязычным культурным субстратом, где сохранились интересные фольклорные традиции.

5. *География массовой культуры*. Данное направление является своеобразным продолжением предыдущего и представляет собой его проекцию на современность. Оно хорошо развито в США и служит одной из «визитных карточек» американской культурной географии, поскольку, как известно, массовая культура именно в США получила наибольшее развитие и во многом вытеснила традиционную народную культуру (45). Впрочем, постепенная инкорпорация образцов массовой культуры в национальную традицию происходит и в европейских странах, особенно в Великобритании.

Как правило, в качестве образцов массовой культуры рассматриваются не только произведения современного искусства, рассчитанные на массовое восприятие (как поп- и рок-музыка), но и вся

гамма современных развлечений. В результате география массовой культуры превращается в новейший вариант как географии народной культуры, так и географии бытовой культуры. Она посвящена не только современному массовому искусству, но и спорту, фаст-фуду, популярным напиткам. В ее исследованиях показывается распространение музыкальных стилей, различия в популярности видов спорта (где-то больше любят бейсбол, где-то предпочитают баскетбол, хоккей или футбол), потребление различных сортов пива и пр. В силу своего инновационного характера география массовой культуры более динамична, для нее характерны постоянная диффузия культурных образцов, изменчивость культурных границ. Поэтому более характерным для нее оказывается динамический подход, изображающий постоянное движение культуры в пространстве.

III. «Пограничные» отрасли географии культуры

1. *География экономической культуры.* Это направление представляет собой область пересечения культурной географии с другой географической дисциплиной — экономической географией. Экономическая культура представляет собой комплекс норм, обычаев, традиций, относящихся к сфере экономики. В упрощенном виде это могут быть, например, орудия труда, традиционно используемые различными народами в сельском хозяйстве. Или география экономической культуры может рассматривать распространение преобладающих типов экономической специализации, традиционных способов хозяйствования (например, подсечно-огневое земледелие). Как частный случай географии экономической культуры может рассматриваться география природопользования. При этом в отличие от «обычной» экономической географии акцент делается на тех экономических параметрах, которые могут считаться неотъемлемыми элементами местной экономической культуры, т.е. которые определяют нормы группового поведения.

В глобальном контексте известны различные варианты представления карты мира, изображающие доминирующие типы экономической культуры — варианты земледельческой или скотоводчес-

кой культуры, распространение промышленной культуры. Современные исследования могут добавить сюда ареалы с преобладанием новейших типов экономической культуры, связанных с развитием сферы услуг, финансовой сферы, электронной коммерции и пр. В пределах географии экономической культуры могут выделяться частные направления, связанные с различными отраслями экономики. Например, возможны исследования географии аграрной или промышленной культуры.

2. *География поселенческой культуры.* В рамках этого направления, пересекающегося с географией населения и городской географией, изучаются различные типы поселений. Например, большое развитие получили исследования процесса урбанизации и связанной с ним городской культуры. Интерес представляет и внутренняя структура городского пространства, хотя этот вопрос в большей степени относится к городской географии, которая часто выделяется как особое направление human geography. Культурную географию прежде всего интересуют традиции расселения и инновационные процессы в этой сфере, тем более что такие основные типы поселений, как город и село, ассоциируются с определенными культурными комплексами. Например, это может быть соотношение городской и сельской культуры и его динамика, описываемая через развитие городской сети и рост урбанизации.

Культурные нормы могут определять и различные типы городских или сельских поселений. Например, к числу хорошо известных и разработанных относится тема типов сельских поселений в зависимости от их расположения и внутренней территориальной структуры, определяемой рисунком жилищ и улиц. Культурная специфика поселенческих структур определяется не только типом поселений, но и социальным составом. В одной из своих работ Дэниэл Гэйд ввел термин «элитистское пространство», назвав так Французскую Ривьеру.

3. *География политической культуры* неразрывно связана с политической географией и представляет собой своеобразное пересечение культурной и политической географии. В политике как и в

любой другой сфере человеческой деятельности формируются свои культурные нормы и образцы, которые могут изучаться культурной географией. Например, это может быть тип правления — монархия или республика. Или государственное устройство — федеративное или унитарное. Благоприятное поле для исследователей представляет изучение распространения и популярности политических идеологий, которые также определенным образом характеризуют местную культуру.

В целом же политическая культура понимается как ценностно-смысловая структура политической деятельности и может исследоваться как особый культурный комплекс. Известные политологи, занимавшиеся сравнительными исследованиями политических культур, Г. Алмонд и С. Верба определяли типы политических культур — патриархальную, подданническую и активистскую и их привязку к определенным странам — США, Великобритании, Германии, Италии, Мексике (39).

Электоральные исследования позволяют выделять различные региональные электоральные культуры, для которых характерны разные типы голосований, партийные и идеологические предпочтения. Вместе с политической культурой может рассматриваться и правовая культура — распространение тех или иных юридических норм. В правоведении выделяют целые комплексы правовых норм, ассоциируемые с определенными странами, причем эти комплексы по своим путям распространяются по планете.

3.3. Геоаксиология, или география символов

До сих пор мы рассматривали направления культурной географии, которые можно определить как **географию культуры**, т.е. исследование территориальной специфики культурных образцов (творческой деятельности), культурных групп и отдельных авторов, другими словами — географию распространения явлений культуры. Но помимо географии культуры полное право на существование имеет исследование **географии в культуре**, т.е. отношения к пространству, характерного для тех или иных культур.

В каждой культурной группе вырабатывается целый спектр таких отношений. Он включает в себя:

- отношение к окружающему миру — природе, другим странам и народам;
- образ традиционного ландшафта данной культуры;
- поляризацию традиционного пространства, предполагающую выделение культурных центров и священных мест.

Главной операцией, которую производят культурные группы, является наделение мест определенным символическим содержанием, их превращение в ценности. Как правило, рассматриваются группы, выделяемые по религиозным или этническим признакам. Однако представления конфессиональных и этнических групп о пространстве не исчерпывают весь возможный спектр отношений культуры к пространству. Например, последователи определенной идеологии могут иметь свою систему «священных мест». Для российских коммунистов таковыми являются «колыбель революции» Ленинград, родина вождя Ульяновск, «великие стройки» социализма. Типология культурных групп слишком велика и разнообразна, а каждая культурная группа характеризуется и своей топофилией (почитаемые, священные, традиционные, любимые территории), и своей топофобией (территории с негативным ассоциативным рядом).

В этой связи оправдано введение общего понятия, охватывающего весь спектр представлений культурных групп разного происхождения о структуре и поляризации пространства. Поскольку мы ведем речь преимущественно о наделении единиц пространства определенным ценностным, символическим содержанием, его можно определить как **геоаксиологию**, или **географию символов**. В одних случаях в пространстве ищут священное содержание, в других — специфически национальное, в третьих — эстетическое и др.

Важным объектом исследования здесь становятся **геокультурные образы**, которыми мыслят культурные группы и отдельные их представители, в т.ч. авторы произведений искусства. Под геокультурными (культурно-географическими) образами понимаются сис-

темы восприятия, отношений, ассоциаций, связанных с определенными географическими объектами, характерные для тех или иных групп и отдельных людей (17).

1. Наиболее развитое направление культурной географии, исследующее спектр отношений культурной группы к пространству, называется *сакральной географией*. Оно рассматривает эти отношения через призму религиозной традиции, которая всегда имеет определенную географическую составляющую. Метод исследований здесь принципиально иной, чем в привычных отраслях культурной географии. Здесь изучается не культура в пространстве, а пространство в культуре, т.е. предметом исследования являются сами культурные образцы, сакральные тексты, повседневные стереотипы, а задачей исследователя становится выявление географической специфики.

Пространство с точки зрения большинства религиозных традиций является определенным образом поляризованным, в нем выделяются священные города, реки, горы и другие географические объекты, которые становятся объектами поклонения, куда стекаются многочисленные паломники. Например, в христианской традиции центром Вселенной стал Иерусалим, который изображался соответствующим образом на средневековых картах. Да и вся Палестина как место рождения новой религии стала главным сакральным центром с такими многократно упоминаемыми в Священном Писании доминантами, как города Вифлеем и Назарет, река Иордан, Тивериадское озеро и др.

В результате разделения христианства каждая из его ветвей сформировала свое сакральное пространство «второго порядка». Для католиков его центром стал Рим, выделились и другие центры паломничества и поклонения — Лурд, Сантьяго-де-Компостела, в 20-м в. — Фатима. В свою очередь, православные считали таким центром Константинополь, и священной целью было водружение креста над Святой Софией. При этом привлекательность полюсов сакрального пространства может меняться. Так, на Руси центром притяжения одно время служил Север, называвшийся Северной

Фиваидой. В 19-м в. выделились новые центры, связанные с деятельностью подвижников православия, — Оптиная пустынь, Саров.

Свое сложное сакральное пространство характерно для исламской цивилизации. Его несомненными центрами служат Мекка и Медина. Выделяются и другие центры, в т.ч. тот же Иерусалим. Некоторые из них значимы не для всех мусульман, как Кербела, почитаемая шиитами. Распространена традиция сакрализации природных объектов — гор (Фудзияма у японцев, пять священных гор у китайцев), рек (Ганг, Иордан) и др. В целом для каждой религиозной традиции характерно свое особое отношение к природному ландшафту. Причем, если в мировых религиях предметом сакрализации становятся вполне определенные населенные пункты и природные объекты, то для анимистических культов с их политеизмом характерно насыщение всего природного ландшафта сверхъестественным содержанием, когда природа оказывается густо населена различными божествами, духами, русалками и пр.

2. *Национальная география*. Наряду с религиозной существует национальная точка зрения на пространство, характерная для этнических групп. Ее анализ возможен в рамках направления, которое мы предлагаем назвать национальной географией. Следует заметить, что если этническая география исследует распространение этнических групп, то национальная география посвящена описанию географии в представлении этих групп. Интересным примером исследований в этом направлении служат работы Г. Гачева, посвященные национальным образам мира.

Отношение нации к пространству, в частности, определяется через наделение природных объектов чертами национальных символов, как например, гора Арарат служит символом Армении. Довольно часто такие природные объекты изображаются на национальных флагах и гербах (гора Триглав в Словении). В этом качестве могут выступать и поля сражений, как Куликово поле и Бородино в русской истории, Косово поле в истории Сербии.

Распространенной чертой национального самосознания является определение «естественных» границ национальной террито-

рии, в качестве которых также обычно выступают природные объекты (можно вспомнить французскую геополитическую концепцию границ страны, проходящих по Рейну и Альпам).

Элементом политической культуры для определенной нации часто становится представление о ее месте и роли в мировой истории и ее отношении к соседям. Другими словами, элементом культурной традиции может стать геополитическое позиционирование страны в мире. Для некоторых мощных центров культурогенеза в прошлом было характерно представление о самих себе как о центре ойкумены с противопоставлением себя и всего остального мира (Греция, Китай). До сих пор в политическом сознании многих стран и народов присутствует концепция традиционных, или «естественных», союзников и противников. Ее определенное возрождение произошло в России на фоне очередного балканского конфликта, который послужил импульсом для дискуссии о российско-сербских отношениях как о примере такого союзничества.

Также этнические группы вырабатывают определенное отношение к структуре занимаемого ими пространства, выделяя в нем не только природные, но и созданные человеком национальные символы. В качестве таковых могут выступать исторические места, с которыми связаны поворотные события национальной истории, нынешние или древние столицы государств (Ахен, Роскилле, Гнезно, Толедо, Киото), мемориалы (Арлингтонское кладбище в Вашингтоне) и т.п. Либо определенные местности воспринимаются как «хранилища» и древние символы национальной традиции и почитаются в этом качестве (область Даларна в Швеции или храмовый комплекс Ангкор-Ват для кхмеров).

В завершение этой темы любопытно отметить, что национализм как политическая идеология чрезвычайно географичен. В отличие от претендующих на всечеловеческую универсальность либеральных или коммунистических теорий, которые, по сути своей, являются над- и внепространственными, национализм основывается на глубоком чувстве пространства. Его адепты мыслят категориями национальных ландшафтов, национальных границ, запечатлен-

ных в пространстве национальных символов, святынь, хранилищ традиции, дрезней культуры. Не случайно работы авторов-националистов обычно оказываются «оснащены» географическими картами, рисующими национальное пространство и его «священные камни».

3. Эстетическая география. Это направление рассматривает эстетические аспекты отношений культурных групп к окружающему миру. Каждая культурная группа как бы переживает, осмысливает свою окружающую среду, выделяя в ней эстетически ценные элементы, которые становятся объектом описания в произведениях искусства, мифах, устном предании, запечатлеваются в общественном мнении.

Другими словами, изучая «образ мысли» культурных групп и отдельных авторов, можно выйти на плодотворную тему ценностного восприятия культурного ландшафта с позиции красоты, идеала (см. например, работу О. Лавреновой, посвященную восприятию географического пространства русскими поэтами) (23). Отличие от сакральной и национальной географии состоит в окраске представлений культурных групп о пространстве, в данном случае она носит черты восприятия географического явления как художественной ценности, позитивного явления, эстетизированного и поэтизированного (причем не обязательно места, точки на карте, но и присущего ландшафту климата, почвы и т.д.). Наиболее очевидный предмет исследования для эстетической географии — воспроизведение в искусстве явлений природы и культуры, запечатленных в ландшафте. Критерием очень часто служит соответствующим образом окрашенное упоминание в художественном произведении или на уровне групповых стереотипов.

Культурные группы имеют свою эстетическую географию, определяемую различиями в их эстетических приоритетах. Ее границы и рамки, а также ее содержание отличаются от сакрального и национального (хотя связь между ними неразрывна: объект религиозного поклонения обычно воспринимается как предмет красоты). Даже внутри одной нации существуют различные объекты эстети-

зации. У традиционалистов это — памятники истории, у «модернистов» — современные детали культурного ландшафта, «поэзия фабричных труб».

4. *Ментальная география.* Предметом культурно-географического исследования может быть и обыденное ментальное пространство — представления о мире, характерные для обычного, «среднестатистического» человека. Ментальное пространство существенным образом отличается от реального, поскольку является функцией бытующих стереотипов, культурных традиций, особенностей системы образования и, к сожалению, обычной географической безграмотности. Все это вместе создает в голове каждого человека свое представление о географическом пространстве, о его элементах, о том, что где находится, и как географические объекты соотносятся друг с другом. Формируются стереотипные образы мест и системы ассоциаций, связываемых с определенной территорией.

Групповые исследования показывают, какие стереотипные ментальные пространства и ассоциативные образы мест оказываются характерны для различных социальных, культурных и территориальных групп. По сути, каждый человек и каждая социальная группа создают свое мифическое пространство со своими территориями, ландшафтами и ассоциативными образами. Оно состоит из реальных географических объектов, но рассматриваемых сквозь призму индивидуального или группового видения, обусловленного теми или иными факторами.

5. *Геотопонимика и геосемантика.* Особым типом отношения культурной группы к территории, месту является их наделение именем — топонимом. Названия населенных пунктов и местностей являются традиционным объектом исследований культурной географии, хотя для этого существует и специальная область знания — ономастика. Для культурной географии топоним — это обязательный элемент геокультурной системы, подчеркивающий ее индивидуальность и уникальность (разумеется, повторяющиеся топонимы, например, в случае с городами не отрицают их уникальности),

это — способ самоидентификации культурного объекта. Геотопонимика как часть культурной географии занимается следующими вопросами:

— Изучение происхождения (этимологии) топонима и его динамики в случае переименований. С этой точки зрения топонимика отражает эволюцию геокультурных систем, представляя собой один из ее семантических рядов: Константинополь превратился в Стамбул, а Санкт-Петербург сначала в Петроград, затем в Ленинград и, наконец, вернулся к «историческому» названию. Заслуживают внимания и идеологически мотивированные переименования российских (советских) городов. Любопытным направлением исследований В. Зелински стали «классические» названия американских городов, заимствованные из Древней Греции, Рима и даже Египта. Известно также, что вместе с миграционными потоками часто движутся и топонимы.

— Сравнительный анализ различных топонимов, используемых для обозначения одного и того же места, особенно, разными культурными группами. Известно, что наряду с официальными широко распространены обыденные названия (например, Питер). Кроме того, в разных культурах один и тот же город может называться по-разному и на официальном уровне. Так, австрийская Вена-Wien у южных славян называется Веж. Причины множественной идентичности территорий также изучаются геотопонимикой.

— Определение топонима в исследовательских целях (например, когда необходимо найти обозначение культурному району или ландшафту в том виде, как его понимает исследователь).

В более широком контексте можно говорить о таком направлении культурной географии, как геосемантика. В рамках этого направления ведутся исследования всех символов, знаков, которыми насыщено культурное пространство. Геосемантика дает возможность более полного и глубокого «прочтения» всевозможных имен, которые фигурируют в качестве обозначений тех или иных мест, раскрытия и анализа связанных с ними многочисленных ассоциаций, характерных для различных культурных групп.

3.4. Культурная мифография

Культурное творчество не только определенным образом размещается в пространстве и видоизменяет его, но и придумывает новые пространства, которые не могут быть представлены на обычной географической карте. Эти пространства и наполняющие их географические объекты (точнее квазигеографические, поскольку они не существуют в реальности, но обладают атрибутами «обычных» географических объектов) существуют в мифах, литературных произведениях, ментальных образах.

Изучению этих пространств может быть посвящена отрасль культурной географии, которую мы предлагаем назвать **культурной мифографией**. Она описывает несуществующие в природе географические пространства и образы, прослеживает их происхождение, анализирует их связь с реальным пространством. Это направление является продолжением геоаксиологии, оно также анализирует культурные традиции на предмет их географического содержания, но при этом рассматривает не реальное, а вымышленное данной традицией пространство, рожденные в культурной традиции ментальные образы, пограничные ситуации между мифом и географической реальностью.

Например, свое географическое содержание имеют мифы и легенды, повествующие о несуществующих на самом деле странах и землях или помещающие вымышленных героев в известную земную реальность. В разных религиозных традициях сформировались свои представления об иных мирах, которые, по сути своей, являются продолжением привычной земной географии за рамками доступного нашему опыту мира. Потусторонний мир обычно имеет сложную структуру, делится на части или даже на несколько отдельных миров. Так, китайская буддийская традиция выделяет три мира Сань-цзе (Юй-цзе, Сэ-цзе и У-сэ-цзе), даосская традиция тоже повествует о трех мирах (Юйцин — «нефритовая чистота», Шанцин — «верхняя чистота» и Тайцин — «великая чистота»). В скандинавской мифологии повествуется о стране богов Асгарде, в которой высятся дворцы богов, среди которых выделяется Вальхалла бога Одина. География потустороннего мира — это, конечно, край-

ний пример культурной мифографии, но зато он является весьма показательным.

Практически каждый миф имеет определенную географическую привязку. Как и любое литературное произведение, он имеет свой хронотоп. Существует великое множество мифических пространств. Это библейский Эдем и ведийская река Сарасвати, далекие таинственные страны, обладающие несметными богатствами (Эльдорадо) или особой чистотой и первозданностью (Тильмун у шумеров, Шамбала), манящие духовной свободой (Беловодье русских старообрядцев). Одна из самых разработанных — география царства мертвых у древних греков, описанная Гомером и Вергилием. В аиде мы найдем деление на два ареала — Элизиум (Елисейские поля) и Тартар, многочисленные реки Океан, Кокит, Стикс, Ахеронт, Пирифлегетон, Лету, Ахерусийское озеро и даже Стигийские болота. Интересная деталь мифологического метaprостранства — пограничные территории, рубежи между царством живых и царством мертвых. Распространенный элемент мифологического ландшафта — река, отделяющая царство живых от царства мертвых.

Как правило, однако, все эти земли ассоциируются с реальными территориями: Тильмун с Бахрейном, Беловодье с Бухтарминским краем, а река Сарасвати с Индом. Где-то на границе между реальным и потусторонним миром находятся китайские священные острова-горы, которым приписывается реальное географическое положение, но которые населены бессмертными людьми (Инчжоу, Пэнлай и Фанчжан), и далекие счастливые страны, как расположенная на крайнем Западе ойкумены Ситянь. Любопытно, что в корейской традиции эти три горы ассоциируются с реальными горными массивами, расположенными в Корее.

Довольно часто действие мифов происходит в реальном географическом пространстве, как например, в древнегреческой мифологии, являющейся, как и другие мифы, особой формой историографии (Олимп, Парнас, Троя, Итака, Колхида и др.). Деятельность мифических персонажей оказывается привязана к реальным территориям, что создает тесную связь между реальным пространством

и метапространством, мифологическими ландшафтами. Например, цепочка островов между Индией и Шри Ланкой называется Адамовым мостом, и, согласно легенде, Адам, будучи изгнанным из рая, прошел по этому мосту на материк. Боги или культурные герои часто считаются покровителями реальных мест. В египетской мифологии бог Аш считался богом Ливийской пустыни, а в русской традиции Святой Георгий считается покровителем Москвы и помещен на ее гербе.

Тенденция к описанию вымышленных территорий, стран, городов прослеживается в литературе, живописи и других видах искусства. Авторы либо описывают известные мифические пространства, как тот же Данте или художники эпохи Возрождения. Либо они создают свои собственные мифы со своей географией, делая мифические объекты воплощением типичного или, напротив, необычного пространства в зависимости от своих целей. Классический пример — дотошно описываемое Дж. Толкиеном географическое пространство, в котором разворачиваются приключения хоббитов. Можно вспомнить творчество А. Грина с его романтическими приморскими городками Зурбаганом, Лиссом, Гель-Гью и Гертоном. Действие романов У.Фолкнера происходит в вымышленной Йокнапатофе. Своеобразным символом стал и платоновский Чевенгур. Писатель, таким образом, создает свое мифическое пространство в соответствии с замыслом произведения. Но довольно часто это пространство имеет реальный прообраз или является собирательным для серии прообразов. Гавани А. Грина напоминают о крымских городах, в частности о Феодосии, где жил этот интересный писатель, Йокнапатофа — о родном для У.Фолкнера штате Миссисипи.

4. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

На основании анализа зарубежных и отечественных культурно-географических и культурологических работ мы предлагаем считать основными подходами в культурной географии *структурный, ландшафтный, динамический* и *экологический*. Каждый из этих подходов

может быть использован в практически любом из выделенных выше многочисленных направлений культурной географии.

Культурная география имеет трехмерное строение.

По «отраслевой» оси культурная география может быть разделена на три главных смысловых «ветви» — *географию культуры, геоаксиологию (географию символов)* и *культурную мифографию*, каждая из которых, особенно география культуры подразделяется на многочисленные направления.

В каждом из этих направлений возможно использование одного из определенных нами базовых подходов — *структурного, ландшафтного, динамического* и *экологического*. Что касается функционального подхода, прослеживаемого в западной культурной географии, то мы предлагаем разделить его между структурным (например, функциональные культурные районы, см. ниже) и ландшафтным (культурный ландшафт понимается как многомерное функциональное единство в отличие от «плоского» культурного района).

Третье измерение культурной географии — основные подходы к исследованию территориальной организации культуры — *отраслевой, групповой* и *личностный*.

4.1. Структурный подход

Структурный подход является наиболее развитым и «очевидным» в культурной географии. Его можно назвать отправной точкой культурно-географического исследования. Когда мы видим неоднородность культурного пространства, у нас возникает потребность в ее системном описании, сделать которое можно только, превратив культурно-географическую непрерывность в дискретную среду, состоящую из определенных геокультурных систем с их названиями, границами и комплексами характеристик. Другими словами, речь идет о выделении культурных районов и определении разделяющих их культурных границ.

Основой для определения и делимитации культурных районов служит прошлое и сегодняшнее распространение различных культурных явлений. Прежде чем перейти к собственно районирова-

нию, мы должны внимательно, причем, в динамике изучить пространство интересующего нас явления.

При проведении структурного исследования культурная география оперирует тремя типами пространственных категорий:

- точечными (точка, место, центр, культурный очаг);
- линейными (линия, граница, направление, вектор);
- площадными (непрерывные и прерывистые ареалы, территории, районы).

Используя эти категории, мы «разлагаем» непрерывное пространство на структурные элементы. Мы выделяем ареалы, которые характеризуются относительным единством каких-либо культурных параметров, и пространство начинает делиться на «смысловые пространства». Причем пространство не складывается из компактных «блоков». Поэтому мы имеем дело не только с «обычными» ареалами, но и с анклавами, эксклавами, обособленными изолятами. Каждый ареал представляет собой условность, поскольку, как правило, имеет ядро, обладающее всеми характеристиками в полной мере, и менее репрезентативную периферию.

Далее, мы ищем границы этих ареалов, определяем пути распространения культурных явлений, и на мозаику культурных «пятен» накладывается сеть из линий.

Наконец, карта покрывается россыпью точек, которые обозначают центры возникновения или транзита культурных явлений, места творческой деятельности, важные культурные объекты и т.п.

Следует отметить, что точечные и линейные объекты выделяются условно. По сути, точка и линия — это результаты масштабирования площадных объектов, поскольку любые географические объекты обладают площадью. Просто при определенном масштабе эта площадь теряет географический смысл, и объект становится точечным, как город на карте мира.

Эта проблема проявляется при анализе культурных границ. В неоднородном, флуктуирующем культурном пространстве редко можно встретить четкую линейную границу. Скорее можно говорить о пограничных зонах, захватывающих существенные территории.

Пограничные зоны могут проходить через две стадии развития. На первом этапе в них может происходить простое смешение культурных характеристик, и они становятся пестрыми, мультикультурными и не более того. Многие пограничные зоны так и застывают на этом этапе. На стыках геокультурных «плит», например, формируются мощные переходные зоны, обладающие своей культурной оригинальностью в результате смешения характеристик двух соседних «больших» пространств. Их можно также называть зонами геокультурных «разломов». Одним из классических примеров такой зоны служат Балканы.

Но культурный процесс может развиваться и дальше — в сторону формирования специфически переходных районов, обладающих при этом культурным единством, собственной идентичностью и этнической гомогенностью. Многие «малые» культуры возникли на стыке «великих» и органично сочетают в себе их черты. Например, Мальта, многократно переходившая из рук в руки и впитавшая в себя черты Запада и Востока. Здесь можно наблюдать и глубокую католическую веру, и сходный с арабским язык, и причудливое западно-восточное смешение в обычаях, праздниках, пище и т.п.

Еще одно важное понятие — фронтир, приграничная зона одной страны, обычно крупной и обладающей геокультурной уникальностью. Ее основная культурная функция — служить плацдармом для экспансии во внешнее, «заграничное» пространство, а побочный эффект — восприятие культуры этого внешнего пространства, хотя оно зачастую и признается «варварским». Классические примеры — римский *limes* и американский *frontier*, который собственно и стал прототипом для общего понятия. Фронтирные функции выполняли германские пограничные марки, которые создавались на восточных, «славянских» границах с 10-го в. и занимали территории нынешних Восточной Германии, Восточной Австрии, Словении. Точно так же свои марки — банаты создавала Венгрия на границах с сербскими и румынскими землями: отсюда две области Румынии — Банат и Трансильвания.

Структурное культурно-географическое исследование имеет своей целью определение, описание и картирование культурных ареалов, произведенное на основе анализа одной или множества культурных характеристик. Культурные ареалы мы понимаем как территории, заселенные людьми, разделяющими общие культурные особенности. Исследование позволяет показать распространение простых или комплексных культурных явлений в статике, т.е. на данный момент времени. Единственно верной, законченной схемы культурных ареалов нет и не может быть, поскольку очень многое зависит от авторского подхода, точности методики, выбранных критериев и т.п. В принципе, это является аргументом в пользу «чистой» феноменологии, однако не может отрицать правомерность и перспективность структурных исследований, которые хотя и не являются высокоточными, но в то же время служат реальным инструментом для познания культурной карты мира в одном из приближений.

В культурной географии принято выделять культурные районы трех типов. Самый простой — *формальный, или гомогенный, культурный район*. Он определяется как «территория, заселенная людьми, которых объединяет одна или больше культурных особенностей» (45). В простейших случаях речь идет о выделении территорий по одной только культурной характеристике. Например, это может быть ареал преобладания немецкого языка или карта деления мира на районы преобладания различных языков и языковых групп.

В более сложных случаях речь идет о комплексных культурных характеристиках. Например, требуется выделить ареал эскимосской культуры. Понятие «эскимосская культура» может рассматриваться через различные культурные характеристики — язык, религия, экономическая культура, социальная организация, жилище. Каждая из них имеет свою географию распространения. Далее можно пойти по одному из двух путей. Или можно выделить ядро эскимосской культуры, где совпадают все перечисленные выше характеристики, а также разнородные периферии, где сложилось свое сочетание этих характеристик, отличное от идеально-типического. Или можно все-

таки приблизительно обозначить ареал распространения эскимосской культуры, выделив территорию, где если не все, то хотя бы большинство характеристик соответствует идеальному типу.

При определении комплексных культурных пространств, обладающих яркой индивидуальностью, в западной литературе используется понятие «culture area», которое можно приблизительно переводить как культурный ареал. Это понятие впервые возникло в культурологии, точнее в американской этнографии. Культурный ареал — это комплексный формальный культурный район, представляющий собой целостную культуру, основанный на сложной композиции культурных характеристик. Для его определения нужны комплексный подход, принимающий во внимание множество параметров, интуиция и личный опыт исследователя. Такие авторы, как О. Шпенглер и А. Тойнби, по сути, как раз и занимались выделением культурных ареалов, разве что без должной географической точности, т.е. без определения границ и картирования.

Выделение культурных ареалов, т.е. комплексное многоуровневое культурно-географическое районирование Земли является важнейшей задачей культурной географии. В таком исследовании важны подбор характеристик и оценка их значимости. Например, очень часто ведущей характеристикой при глобальном культурно-географическом районировании становится религия, и мы выделяем, например, Исламский ареал. Однако следует учитывать и другие параметры — этнические, исторические, географическое положение, необходимость выделить единую и целостную территорию (хотя не все исследователи признают это обязательным). При таком подходе условный Исламский ареал может потерять свое формальное единство и поделиться на несколько ареалов, обособленных, имеющих свою этнолингвистическую специфику и свою историю принятия ислама. Возможно, нам придется выделить особый Малайско-Индонезийский ареал на восточной периферии исламского мира.

Еще один важный исходный параметр — это масштаб исследования. Культурно-географическое районирование имеет свою таксономию, в нем выделяются культурно-географические единицы

многих уровней. В первом приближении мы можем поделить мир на культурные районы глобального уровня, т.н. цивилизации. Каждый из них имеет свое внутреннее строение, делится на районы второго порядка и так далее. Если рассматривать США как особый культурный мир, то в качестве примера можно привести культурное районирование США, проведенное крупнейшим американским представителем культурной географии Вильбуром Зелински (52). Причем, этот автор выделяет культурные границы трех порядков.

Структура мирового культурного пространства парадоксальным образом сочетает устойчивость и изменчивость. Границы культурных районов действительно расплывчаты, и их точное определение всегда составляет проблему. Скорее, можно говорить о ядрах культурных районов, перифериях и переходных зонах. Однако при этом мы наблюдаем как бы заданные природой геокультурные формы, которые в целом сохраняются на протяжении веков и даже тысячелетий. Этому есть свое объяснение: традиции создавались в те годы, когда территориальная мобильность не была столь велика, и люди были привязаны к своим достаточно обособленным пространствам. Человечество веками существовало в рамках устойчивых поселенческих структур, привязанных к структурам природных ландшафтов и отделенных друг от друга физическими барьерами. Культура на протяжении тысячелетий заполняла пространственные ячейки, заданные самой природой, и только в 19-20-х вв. фактор глобализации культуры стал значимым и пришел на смену обычному культурному обмену.

Вот почему традиционное культурное пространство, сложившееся к моменту начала глобализации («доглобализационное»), выглядит вполне устойчивым⁵. На множестве примеров можно наблюдать удивительную культурно-географическую преемствен-

⁵ Изучение «постглобализационного» культурного пространства еще впереди, хотя его черты можно прослеживать уже сейчас на основе распространения культурных признаков глобализации — больших и малых глобальных культурных форм, включая формы массовой культуры.

ность: менялось наполнение, а культурно-географическая ячейка оставалась прежней. Так, привязанный к низовьям Нила Египет существует уже пять тысячелетий, пройдя при этом через древний «фараонский» этап, затем — эллинистический и, наконец, мусульманский. Можно проследить, как Месопотамия — междуречье Тигра и Евфрата — развивалась от Шумера к Вавилону и Ассирии, через царство Александра и Селевкидов, к Багдадскому халифату и современному Ираку. И даже небольшие страны демонстрируют столь же удивительные образцы устойчивости. На месте компактного Ливана в 11-8-м вв. до н.э. расцвела столь же компактная Финикия, а на месте современного Туниса в разные периоды развивались Карфаген, королевство германцев-вандалов, мусульманское государство Аглабидов.

В более широком масштабе можно наблюдать поразительную стабильность культурного пространства Ближнего и Среднего Востока — одной из колыбелей цивилизации, раскинувшейся от восточных берегов Средиземного моря почти до Индии. Это пространство занимала Персия Ахеменидов, затем на смену ей пришло царство Александра Македонского, который провозгласил себя наследником Ахеменидов и, придя с западных рубежей этого пространства, впоследствии сделал своей столицей древний Вавилон. Впоследствии центры культурогенеза смещались в сторону Средиземноморья, когда о себе заявила Византия, но Средний Восток тоже не оставался в стороне от культурной активности, когда развивались Парфия, затем государство Сасанидов. Потом Арабский халифат вновь объединил все эти земли, а далее в западной их «половине» сложилась Османская империя, в восточной — шиитская мусульманская Персия (Иран).

На этом примере можно проследить устойчивость всего культурного пространства Ближнего и Среднего Востока на протяжении веков. Характерно, что все завоеватели, продвигаясь на восток, останавливались на берегах Сырдарьи и Инда, которые обозначили его восточные рубежи. В 6-м в. до н.э. эти барьеры останавливают Дария, в 4-м в. до н.э. — Александра Македонского, в 8-м в. —

Омейядов. Свои устойчивые пограничные структуры возникали и в западной, присредиземноморской части этих земель. Анатолия была центром Хеттского царства, Фригии и Лидии, Византии, Османской империи, наконец, современной Турции. Фактически Ближний и Средний Восток представляет своеобразный «триптих», складывающийся из Анатолии, Леванта и Месопотамии, которые часто стремились составить единое целое, и Персии.

Культурные центры, в отличие от культурных районов, менее устойчивы, что естественно: «легкие» точки подвижнее «громоздких» пространств. Однако и здесь отмечается многовековая преемственность. Достаточно привести примеры Афин, Рима, Стамбула-Константинополя — Византия. Либо новые центры возникали неподалеку от старых. Так политико-культурный центр Месопотамии сместился из Вавилона в Ктесифон, а затем в Багдад. Даже сожженный Александром Македонским Персеполь можно считать своеобразным культурно-географическим «предшественником» Шираза. Любопытна ситуация, когда один и тот же город — Иерусалим стал центром трех религий — иудаизма, христианства и ислама.

*Вторым типом культурного района служит функциональный, или узловый, культурный район*⁶. Если при определении формальных культурных районов мы ищем более или менее условную однородность культурного пространства и считаем однородные территории такими районами, то в случае с функциональными районами это не обязательно. В основе функционального района лежит определенная организация пространства. Если формальный район строится на мозаике ареалов, то функциональный — на линиях организационных сетей. Функциональный район является не площадным, а точечно-линейным; он представляет собой единство культурных связей, складывается из узлов — культурных столиц, исторических центров и зон их влияния, которые определяются через анализ направлений распространения культурных импульсов.

⁶ Тему узловых районов в отечественной географии развивал Б. Родман.

С помощью функциональных связей можно плодотворно исследовать структуру культурного пространства, определять его ядра и периферии через сгущения и разрежения культурных сетей. Например, географию европейской культуры можно изучать через три мощные средневековые сети — городов, университетов и монастырей. Функциональный анализ пытается наложить на расплывчатое, «смазанное» культурное пространство, получаемое в результате формального анализа, более жесткую сетку и даже представить его как строгую геометрическую структуру. Для этого и нужно исследовать иные геометрические формы — точки, линии и векторы.

Вне зависимости от того, на какой из аспектов культурного пространства делается упор — на распространение культурных характеристик или функциональные связи, структурный анализ является многоуровневым. Только в одном случае целью является выделение культурных районов разного порядка, в другом — культурных центров и связей.

При этом более глубокий структурный анализ культурного пространства должен использовать как формальный, так и функциональный подходы. Решение сложных задач типа определения границ культурных районов первого или второго порядка невозможно без обращения к карте культурных связей, которая позволяет уточнить взаимоотношения культурных районов и их местоположение. Каждый комплексный культурный район имеет свою функциональную схему. Он может представлять собой моно-, би- или полицентрическую структуру со своим дальнейшим разветвлением связей. Так, древнеримская цивилизация была явно моноцентрической и строилась по модели «единый центр — множество провинций». Напротив, древняя Месопотамия и «молодая» Европа представляют собой сложные, полицентрические пространства с развитой внутренней иерархией. Там постоянно возникали новые центры, или разные центры имели разные функции. Например, в Месопотамии политическое лидерство обычно принадлежало Кишу, Уру и Лагашу, тогда как Ниппур был важным религиозным центром. Примером появления

нового центра стал построенный царем Саргоном I Аккад, расположенный к северу от «старого» культурного очага. Бицентризм был характерен для Древнего Египта, где два крупнейших центра — Мемфис и Фивы — символизировали двуединство нильской дельты на севере и излучины на юге.

Представления о функциональной организации культурного пространства находят свое представление на уровне геоаксиологии, когда культурные группы сами определяют структуру пространства и свое место в нем. Осознание своей цивилизации «центральной» воплощается в политических доктринах, известных как европоцентризм, американоцентризм, афроцентризм и др., а одной из отправных точек таких представлений можно считать идентификацию Китая как Срединной империи, находящейся в центре ойкумены.

Еще ближе к геоаксиологии находится процесс определения *третьего типа культурных районов — обыденных (vernacular)*. Для них совсем не обязательны формальное или функциональное единство. Эти районы существуют в представлениях культурных групп и определяются через их самоидентификацию и ментальные образы. Изучением обыденных районов в США занимался все тот же В.Зелински, посвятивший этому вопросу ряд своих работ. Самоназвания типа «Зеленая страна» (северо-восточная Оклахома) достаточно широко распространены в этой стране. В другой работе можно встретить карту обыденных районов первого порядка («Запад», «Юг» и др.), определенных через анализ названий местных фирм в телефонных справочниках (45).

Структурный подход соответствует и той традиции, которая сложилась в отечественной культурной географии. В советское время культурная география создавалась на социальной и экономической основе в соответствии с господствовавшей в то время философией и была нацелена как раз на поиск культурно-географических единиц пространства. Для их обозначения использовались разные понятия. Например, Р. Кабо говорил об общественно-территориальных комплексах и полагал, что социально-культурная география, как он ее называл, «изучает обусловленные трудовой деятель-

ностью типы расселения людей, их образ жизни и социально-культурные особенности в пространственных различиях, а также сложные сочетания этих элементов, которыми характеризуется каждая отдельная общественно-территориальная группа людей» (18, с. 32). В. Алексеев предлагал в этой связи понятие «антропогеоценоз», рассматривая его как системное единство человеческой деятельности и природных условий на определенной территории (2).

Экономизированный подход нацеливал советских исследователей на поиск хозяйственно-культурных типов, что можно считать направлением в географии экономической культуры. Этой проблеме посвящена работа Б. Андрианова и А. Доскач, в которой они выделяют «свособразные системы, связывающие людей через механизмы культуры и хозяйственной деятельности с географической средой», рассматривая специфику хозяйственной деятельности в различных природных поясах (3). Фактически речь идет об обусловленных природными факторами типах экономической культуры, распространенных в тех или иных районах мира, которые рассматриваются как основные единицы хозяйственно-культурной дифференциации человечества. Что касается этнографов, то, например, М. Левин и Н.Чебоксаров в качестве единиц культурного пространства рассматривали историко-культурные или историко-этнографические области, в основе которых лежит этническая карта.

Культурно-географическое районирование России и другие способы изучения геокультурной структуры нашей страны традиционно находятся в центре внимания современных исследователей (32,10,35). Это направление имеет хорошие перспективы, поскольку споры о прохождении и вообще о наличии культурных границ в России продолжают до сих пор.

4.2. Ландшафтный подход

Ландшафтный подход возник одним из первых в культурной географии, учитывая, что его создателем был основатель всей науки К. Зауэр, который и ввел в оборот понятие «культурный ландшафт». Именно концепция культурного ландшафта как особого об-

разования на земной поверхности позволила отделить культурную географию от физической и связанного с ней географического детерминизма, равно как и от «малогеографичной» культурологии. Она получила свое развитие и в отечественной науке, в частности, в работах Ю. Веденина, В. Калуцкова, В. Каганского и др. (первые шаги в данном направлении делали Л. Берг, Ю. Саушкин).

Согласно одному из определений, характерных для американской школы, «культурный ландшафт — это искусственный ландшафт, который культурные группы создают, заселяя землю» (45). Аналогичным образом буквально в первой фразе своей книги Кристофер Солтер пишет: «Культурный ландшафт — это искусственный ландшафт, который человек создает, преобразуя природу, с тем, чтобы обеспечить себя краткосрочными запасами продовольствия, убежищем, одеждой и развлечениями» (48).

Существует традиция воспринимать и описывать прежде всего видимую сторону культурного ландшафта, когда акцент делается на его внешнем облике (арреансе). Чаще всего речь идет о таких ландшафтных характеристиках, как система заселения, система распределения земли и представленная в ландшафте архитектура. Предполагается, что каждый тип культуры вносит свои изменения в визуальный ландшафт, оставляет на земной поверхности свои следы.

Культурный ландшафт в этих определениях отделяется от природного ландшафта и представляет собой комплекс изменений, внесенных в природный ландшафт человеком. Внимание исследователя концентрируется на факторах и результатах трансформации человеком природного ландшафта. Поэтому культурный ландшафт нередко рассматривается наряду с природным ландшафтом и даже помимо природного ландшафта. Если следовать К. Зауэру, культурный ландшафт и природный ландшафт вместе взятые составляют ландшафт в целом: «Конструкция ландшафта включает (1) черты природной территории и (2) формы, наложенные на физический ландшафт деятельностью человека, культурный ландшафт» (50, р. 186).

Другой подход к культурному ландшафту был характерен для отечественной науки. Согласно этому представлению, культурный ландшафт — это модификация, антропогенное продолжение природного ландшафта. Зачастую это тот же природный ландшафт, но только искусственно созданный человеком — парк, сельскохозяйственное угодье и т.п. — т.е. «окультуренный» или специально созданный людьми природный ландшафт. По мнению Б. Родмана, «культурными, в широком смысле слова, называются любые ландшафты, в создании которых люди сыграли значительную роль, а в узком, положительно-оценочном значении — только благоприятные для населения антропогенные ландшафты, которым противопоставляются ландшафты «акультурные», испорченные» (28, с. 118). Таким образом, традиционный подход отечественной науки подразумевает под культурным ландшафтом или рукотворную имитацию природного ландшафта (созданную человеком для хозяйственных или рекреационных нужд) или «хороший», т.е. полезный в хозяйстве или эстетически ценный антропогенный ландшафт.

Однако современные физико-географы, и прежде всего В. Калуцков, стремятся уйти от этого подхода, представляя культурный ландшафт как культуру местного сообщества, помещенную в определенные природные условия. Культурный ландшафт в соответствии с этим подходом представляет собой как бы переплетение культуры, природы и территории (места), целостную среду обитания культурной группы, которую она не просто населяет, но, по сути, создает. Он принципиально отделяется и от природного, и от антропогенного (техногенного) ландшафта (22).

В работе «Культурные ландшафты России» (35) подробно рассматриваются особенности существующих в науке подходов к изучению культурного ландшафта и предлагаются пути их дальнейшего развития в рамках *культурно-географического ландшафтоведения*⁷.

На основании уже сложившихся подходов в понимании культурного ландшафта следует отметить, что *обязательным в ландшафт-*

⁷ В. Калуцков использует понятие «этнокультурное ландшафтоведение».

ном подходе является присутствие природной и визуальной компонент: природа служит отправной точкой, а пейзаж — первой постигаемой исследователем характеристикой культурного ландшафта.

Требует особого пояснения тезис об обязательном присутствии природы в культурном ландшафте. Очевидно, что существуют ландшафты, создавая которые человек «переработал» природную основу почти до полного ее исчезновения. Крайний пример — городской ландшафт, например, средневекового европейского города, где для природы, кажется, не осталось места. Однако концепция культурного ландшафта позволяет описывать и интерпретировать и такие ландшафты, поскольку в их основе все равно лежит переработка «изначального» природного ландшафта, и природа все равно присутствует в таком ландшафте, но не как часть культурного комплекса (в виде парков, например), а как окружающая среда с ее климатом, почвами, гидрографией и т.д. Подчеркнем, что, на наш взгляд, культурный ландшафт не есть ландшафт «неприродный» или «постприродный» (стопроцентно антропогенный), скорее он «суперприродный», включающий, перерабатывающий и дополняющий природу.

Природоцентрический ландшафтный подход заслуживает определенного пересмотра. Сегодня на Земле не осталось природных ландшафтов, которые не были бы хоть как-то изменены человеком — носителем определенной культуры. Это значит, что все они стали своеобразным компонентом культуры. Даже Антарктида имеет определенную культурную специфику и определенное место на культурной карте мира. А еще более трансформированные, освоенные культурой природные ландшафты — это поля интенсивной культурной активности человека, «кормящие» и «вмещающие» ландшафты этногенеза (по Л. Гумилеву), месторазвития локальных культур (по П. Савицкому) и т.д.

Замечательная эвристическая ценность понятия «ландшафт» заключается в том, что с его помощью можно описывать сложные комплексы явлений, которые складываются на земной поверхности. *Неотъемлемое свойство культурного ландшафта — его комплек-*

сность. Для культурной географии невозможно рассмотрение ландшафтов без учета исследуемых ею явлений культуры, не обязательно связанных с природным ландшафтом и хоть как-то в нем выраженных. Поэтому культурный ландшафт не может рассматриваться как простая модификация природного ландшафта, он возникает при соприкосновении духовной жизни человека и территории и представляет собой качественно новое явление.

При этом культурная география не рассматривает культуру в отрыве от природы, тем самым сохраняя свою генетическую связь с изначальной, природоцентрической географией. Описанный выше *природный подход* является органической частью ландшафтного подхода в целом. Однако результатом «окультуривания» природного ландшафта стало появление в ландшафте духовной (информационной, ментальной) компоненты, которая составляет невидимое содержание культурного ландшафта, она не выражена непосредственно на местности, но присутствует в сознании людей и «читается» в ландшафте (см. ниже).

Особо следует подчеркнуть отличия культурно-географического ландшафтоведения от районирования, т.е. ландшафтного подхода от структурного. Главная задача структурного подхода — деление пространства на части по определенным признакам — «простым» и «сложным». На выходе мы получаем те или иные типы культурных районов. Культурный район мы обычно понимаем как более или менее однородное образование — территорию, на которой представлена некая культурная характеристика или группа характеристик.

Как и район, культурный ландшафт является площадным явлением, геокультурной системой и итогом «искусственной», «авторской» дискретизации культурно-географического континуума. Но ландшафтный подход акцентирует формирование комплексов, которые характеризуются уникальным сочетанием природных и культурных характеристик — внешним видом, спецификой природной среды, особенностями духовной жизни, функциональным единством ландшафта. Культурный ландшафт, будучи географическим комплексом, понимается как *ощутимая по площади дифференцированная*

территория, составленная из множества ячеек. Здания, улицы, парки, поля сражений, священные рощи и др., все это — ячейки целостных культурных ландшафтов.

Оправдана «пограничная» операция — *культурно-ландшафтное районирование*, т.е. деление местности на сложные комплексы культурных ландшафтов; оно является высшей формой районирования (36). Ведь, по сути, культурный ландшафт — это предельная форма существования функционального культурного района. Как уже говорилось, функциональные районы выделяются на основании комплекса характеристик. Культурный ландшафт включает максимально возможное число таких характеристик.

С культурно-ландшафтным районированием связана еще одна теоретическая проблема — *индивидуальности и уникальности* ландшафтов. В пределе каждый культурный ландшафт уникален, поскольку представляет собой неповторимое сочетание характеристик. Это значит, что он должен иметь свое собственное имя и место на карте — критерии индивидуальности. Поэтому ландшафтный подход перекликается с эксцепционализмом Р. Хартшорна, представление об уникальности места весьма ему созвучно. Однако похожих ландшафтов немало. Поэтому в зависимости от целей исследования можно выделять типы культурных ландшафтов. Также культурные ландшафты могут объединяться в более «общие» ландшафты более высокого порядка. С этим связана таксономия культурных ландшафтов, на основе которой делается многоуровневое районирование (36).

Изучение культурного ландшафта может проводиться по нескольким параметрам — морфологическим, временным и функциональным.

Как уже говорилось, во многих географических работах культурный ландшафт понимается как видимый результат человеческой деятельности на земле (45, р. 440). То же определение дословно повторяется в американском учебнике по географии человека. В нем же культурный ландшафт определяется как «осязаемое физическое свидетельство данной культуры» (41, р. 10, 34).

«Визуальный», или «пейзажный», культурный ландшафт мы постоянно наблюдаем вокруг себя, он окружает нас, мы видим его своими глазами. Поэтому обоснован *«визуальный» подход* к культурному ландшафту, но, как и в случае с природным подходом, он должен быть «упакован» в более широкие рамки. Американские ученые, принимающие этот подход за основу, предлагают дедуктивный метод познания человеческой культуры через ландшафт, поскольку «ландшафт отражает культуру, и культурный географ может узнать многое о группе людей, внимательно наблюдая ландшафт» (45, р. 25). В этой есть свой смысл, ведь культурный ландшафт, по словам французского географа П. Видаля де ла Блаша, представляет собой нашу коллективную автобиографию, отражающую наши вкусы, ценности, устремления и страхи, его можно читать, как книгу (40).

Морфологическое исследование позволяет усложнить представление о структуре культурного ландшафта. Все, о чем речь шла выше, составляет *физические (материальные) композиционные элементы культурного ландшафта*, которые подразделяются на *природные* и *рукотворные*. Это — *пейзажная, или визуальная часть культурного ландшафта*, к которой не сводится весь ландшафт.

Более полный подход к понятию «культурный ландшафт» предложил Ю. Веденин, который видит культурный ландшафт как «целостную территориально локализованную совокупность тел и явлений, сформировавшихся в результате взаимодействия природных процессов и разнообразной деятельности человека, при этом результаты деятельности человека, воплощенные в объектах материальной и духовной культуры, являются частью культурного ландшафта» (7, с. 49). Действительно, в ходе своей культурной деятельности человек наполняет девственный природный ландшафт духовным содержанием, одухотворяет природный ландшафт. Искусство во всех его проявлениях тоже выступает как ландшафтообразующий фактор, причем разные виды искусства имеют разные функции в процессе ландшафтогенеза: «одни виды искусства формируют отношение человека к природному или антропогенному ланд-

шафту (литература, живопись, музыка), другие непосредственно связаны с его преобразованием и развитием (градостроительство, архитектура, ландшафтная архитектура и т.д.)» (7, с. 49).

Культурный ландшафт имеет не только пейзажную форму проявления. Составной частью ландшафта являются исторические события, происходившие на данной местности, знаменитые люди, которые жили и творили на этой территории, образцы культуры, созданные в этой местности и описывающие эту местность (книги, картины и др.), этнокультурные особенности местного населения, язык, религия, бытовая и хозяйственная культура. Все это нельзя или сложно наблюдать на местности непосредственно, но нельзя и исключить из культурного ландшафта.

Таким образом, пейзажный ландшафт — это проекция культурного ландшафта на территорию. Ландшафт имеет не только телесную оболочку, но и духовное наполнение, которое раскрывается по мере постижения его культурно-исторических свойств и существует в виде научной и «бытовой» информации. *С точки зрения морфологии культурный ландшафт включает в себя пейзажную (материальную, физическую) и нематериальную (духовную, информационную) компоненты.* Целостный культурный ландшафт — это не просто «картинка», это целый текст («книга» Видаля де ла Блаша), прочтение которого является сложным и неочевидным процессом. Причем нематериальная часть культурного ландшафта — это не просто «плоский» текст, набор фраз, но и целая гамма свойств, отношений, восприятий и т.д. Поэтому важнейшей задачей исследователя становится интерпретация культурного ландшафта.

Человек наделяет ландшафты специфическими характеристиками — сакральными, национальными, эстетическими, причем особенность восприятия одного и того же ландшафта, «теплота» отношения различна для культурных групп и иногда просто полярна. Выводя ландшафтный подход на уровень геоаксиологии, мы можем перейти к изучению *ландшафта (пространства) культуры*, представляющего собой воспринимаемые культурной группой доминанты своего ландшафта, его священные места и типично-стереотипные

характеристики. Каждая культура имеет свой идеально-типический ландшафт, описываемый в произведениях искусства и устном предании (или, как сейчас говорят, в общественном мнении). Так, христианство зародилось в Палестине, и описания классических библейских ландшафтов стали неотъемлемой частью христианской культуры, получили отражение в европейской живописи и литературе (в то же время у каждого европейского народа есть и свой национальный ландшафт).

Морфологию культурного ландшафта можно рассматривать и через субъекты ландшафтогенеза. В таком случае говорят о *природной* и *антропогенной* компонентах культурного ландшафта. При этом антропогенный слой состоит не только из материальных форм, но и из образцов духовной культуры, форм духовной жизни.

К культурному ландшафту можно подойти и с точки зрения его *временной структуры*. В пейзажной части культурного ландшафта в силу естественных причин исторические пласты никогда не могут быть представлены в полной мере, некоторые из них могут совсем не сохраниться, в особенности самые древние. Хотя в идеальном случае, как отмечал Р. Кабо, «общий процесс взаимодействия природы и общества в своем движении выступает реально в многообразных социально-экономических и культурно-бытовых формах, возникающих во времени одна после другой, но располагающихся в пространстве одна рядом с другой» (18, с. 5).

На таком представлении основано историко-географическое понимание культурного ландшафта, состоящего из *исторических пластов* — свидетельств различных эпох. На территории исторические пласты обычно представлены отдельными сооружениями той или иной эпохи, реже — целыми архитектурными ансамблями. Некоторые ансамбли могут гармонично включать памятники различных исторических эпох, как например, Московский Кремль. В духовной части культурного ландшафта исторические пласты представлены в виде народной исторической памяти (в том числе в таких формах, как эпос, былина, сказка), исторических произведений и современных исследований, воссоздающих культурные ландшафты прошлого.

Следующий подход к изучению культурного ландшафта — **функциональный**. В пределах культурного ландшафта, который складывается из большого числа географических объектов, каждая местность может играть свою роль в создании и воспроизводстве образцов культуры. Прежде всего напрашивается использование модели «центр — периферия», которая позволяет различать внутри ландшафта доминирующие *центры*, создающие новые образцы культуры, и *периферию*, воспроизводящую старые образцы. Целостную концепцию такого рода структуры культурного ландшафта можно найти в работах Ю. Веденина. Этот автор рассматривает *поляризацию культурного ландшафта*, которая проявляется в выделении в его составе ведущих центров новационной культуры и периферийных очагов традиционной культуры.

На наш взгляд, целесообразно говорить о *функциональной*, или *ролевой структуре культурного ландшафта*. Различные местности в пределах ландшафта имеют свой набор культурогенетических ролей (функций). Одни местности «специализируются» на новационной культуре (свойство центральности) и выполняют функцию центра, другие — на традиционной (свойство периферийности) и являются перифериями, третьи — имеют смешанную специализацию, их можно отнести к полупериферии.

Необходимо подчеркнуть, что при различении центров и периферий нельзя ни противопоставлять одни другим, ни подчеркивать «прогрессивность» центров и «отсталость» периферий. Однако оттенок оценочного суждения все равно остается. Подсознательно формируется представление о «первичности» центра и «вторичности» периферии, которое неверно хотя бы потому, что исторически «первичной» является традиционалистская периферия, а не обновленческий центр (ведь традиционалистская периферия некогда была центром, в котором создавалась национальная культура). В культурно-ландшафтных исследованиях возможен отказ от использования понятия «периферия» и применение несколько иной терминологии описания функциональной структуры ландшафта. Все местности принимают участие в творческом процессе, а значит, могут

считаться центрами культурной активности, но только с различными функциями. Ландшафт разделяется на центры новационной культуры (территории с более выраженным производством или заимствованием инноваций) и центры традиционной культуры (территории, воспроизводящие и развивающие традиционную культуру). Такой подход присутствует у Ю. Веденина, который говорит о центрах новационной культуры трех порядков и, уходя от понятия «периферия», об *очагах традиционной культуры* (8, с. 10). В таком случае более корректным будет использование понятия «*поляризация культурного ландшафта*», поскольку ландшафт действительно поляризуется, разделяясь на полюсы (центры, очаги) традиции и инновации.

Ландшафтный подход имеет важное прикладное значение. Представляя собой своеобразные комплексы на земной поверхности, культурные ландшафты становятся объектом культурного и природного наследия, специально охраняемыми территориями. В целом же культурный ландшафт — это квинтэссенция культурной географии (однако следует предостеречь от слишком частого или расширительного использования этого понятия, в результате чего теряется его сущность). Являясь типично географическим комплексом, он составляет специальное знание и своего рода ноу-хау этой научной дисциплины. Изучение культурного ландшафта, это — большой шаг вперед по сравнению с традиционными геокультурологическими исследованиями, которые не всегда являются географическими по своей сути, и в которых география зачастую имеет вспомогательное значение.

4.3. Динамический подход

Если структурный подход рассматривает культурное пространство в определенный момент времени, то динамический акцентирует его развитие во времени и пространстве. Основным предметом исследования — распространение культурных явлений как процесс с выделением направлений этого распространения. Этот подход, таким образом, имеет много общего с концепцией диффузионизма.

В соответствии с взглядами К. Зауэра, одной из методологических основ культурной географии служит культурная история. Географический подход к культурной истории базируется на реконструкции культурных районов прошлого и анализе их эволюции. По сути своей, такая культурно-географическая динамика является продолжением культурной динамики в пространстве, ее географическим измерением. Все культурные процессы прошлого имели конкретную территориальную привязку, которая и интересует культурную географию. Плодотворным и интересным направлением является исследование исторических связей между территориями, которое проводится по различным свидетельствам.

Динамическое культурно-географическое исследование может быть ориентировано на решение трех исследовательских задач.

Первая задача — *анализ происхождения в пространстве и времени определенных культурных характеристик, путей, времени и способа их распространения.*

Вторая задача — *реконструкция реликтовых культурных районов*, т.е. структурный анализ культурного пространства в прошлом, на том или ином этапе его развития. Это направление, строго говоря, является переходным между структурным и динамическим подходами.

Третья задача находится на стыке динамического и ландшафтного подхода. Речь идет об *изучении характера культурных ландшафтов прошлого.*

Чистая динамика культурного пространства является предметом направления, известного как культурная диффузия. Она как раз и занимается процессами распространения идей, инноваций, отношений и различных культурных характеристик в динамике. Исследование культурной диффузии имеет несколько теоретических источников. Во-первых, это диффузионизм, о котором речь велась выше. Во-вторых, это географическая теория диффузии инноваций, описывающая сам процесс и изобретенная знаменитым шведским географом Торстеном Хегерстрандом. В-третьих, это отдельные исследования в географии экономической культуры, посвященные распространению сельскохозяйственных культур (51;

см. также труды Н. Вавилова). В этих исследованиях была отработана методика изучения динамики любых культурных явлений, предполагающая определение культурных очагов, а далее — путей и времени распространения тех или иных явлений.

Т. Хегерстранд и его последователи выделяют несколько типов диффузии инноваций, которые могут рассматриваться и в культурной географии (42,43). Сегодня можно систематизировать эту теорию следующим образом.

Во-первых, существует *«сплошная» диффузия* (в англоязычном варианте contagious diffusion). В этом случае речь идет о непрерывном распространении явления, занимающего, таким образом, все большее и большее пространство. В культуре, однако, этот самый простой и очевидный тип диффузии встречается нечасто. В качестве возможного примера можно привести распространение ислама в 7-8-м вв., которое действительно было тотальным.

Во-вторых, выделяется *иерархическая, или каскадная, диффузия*. В этом случае распространение явления идет от центра к центру, постепенно, и явление, таким образом, занимает далеко не всю территорию. Как правило, на начальном этапе появляются центры первого порядка, которые становятся источниками инноваций. От них явление распространяется к более многочисленным центрам второго порядка, затем — к центрам третьего порядка. Пространство же между центрами заполняется постепенно.

Именно этот тип диффузии наиболее часто встречается в культурной географии. Дело в том, что культурное пространство организовано по иерархическому принципу и представляет собой функциональную систему. Соответственно и распространение культурного явления чаще идет от центра к центру, по уже сложившимся направлениям культурных связей с параллельным «зарастанием» сфер влияния отдельных центров.

Ярким примером каскадной диффузии можно считать распространение древнегреческой культуры в Средиземноморском бассейне параллельно развитию сети полисов. Каждый греческий полис создавал свою систему колоний, которые воспроизводили его куль-

турную специфику. Например, Милет играл роль восточного форпоста Древней Греции, ионийские города создавали свои «филиалы» на Черном море и Лазурном берегу, Мегара — на Босфоре, южном побережье Сицилии, в Крыму, Коринф — в нынешней Албании, Тира и Родос — в Ливии и на Сицилии (Сиракузы), Ахайя — на юге Италии и т.п. Таким образом, по сложной, разветвленной сети шло распространение античной цивилизации. Несколько позже крупным ее центром на западе Средиземноморья стал Карфаген — зеркальное отражение восточсредиземноморского Милета. Впоследствии по аналогичной схеме шло распространение европейской культуры, но уже в мировых масштабах: в процесс включались все новые страны, каждая из которых распространяла и общеевропейскую, и свою национальную культуру в рамках своей постоянно развивающейся системы колоний.

Еще один тип диффузии инноваций — *диффузия через перемещение* (relocation diffusion). Она происходит в том случае, если культурная характеристика перемещается, полностью мигрирует из одной страны в другую. В качестве примера можно привести миграцию английских пуритан в Северную Америку, где они стали отцами-основателями нового государства и нового культурного мира. Еще одним ярким примером служит Великое переселение народов. Можно вспомнить, как болгары переселились из Поволжья и низовий Камы в Приазовье, а оттуда во Фракию. Еще один яркий и характерный процесс — германизация Британии в результате переселения англосаксов и ютов с континента, которая привела к уходу кельтов в периферийные горные районы (Шотландия, Уэльс) и переселению их части на континент (Бретань).

Диффузия инноваций может отличаться не только географически, но и содержательными особенностями. Выше речь шла в основном о «прямой» диффузии, когда культурное явление с той или иной корректировкой, но в основе своей переносится на новую территорию. Но исследователи также выделяют *«косвенную», или стимулирующую, диффузию* (stimulus diffusion). В этом случае территория и связанная с ней культурная группа не принимает куль-

турное явление, однако его попадание влечет за собой определенные изменения в доминирующей культуре.

Таким образом, диффузия инноваций стимулирует собственный культурный процесс на определенной территории, который может быть и негативной реакцией на инновацию, способствующей укреплению традиционной культуры, и трансформацией местной культуры с определенным «перевариванием» инновации. Например, распространение протестантизма в Европе вызвало католическую реакцию в Испании, которая выразилась в развитии инквизиции, пересмотре католической философии (неотомизм) и появлении новых традиционалистски настроенных групп (иезуиты).

Если заглянуть глубже в историю, то можно заметить, как на фоне распространения христианства по перифериям христианского мира проносились свои инновационные волны, связанные с развитием религиозных культов манихейского типа, ставших своеобразной реакцией на христианство. Первым крупным центром такого движения стала Армения, где в 7-9 вв. действовали павликиане. Им на смену в 10-13 вв. пришли богомилы, ставшие мощной силой не только в христианизированных Балканах и даже господствующим религиозным течением в глухих горных районах Боснии (известно, что многие павликиане были переселены византийцами на Балканы после разгрома движения). Дальнейшее продвижение этой инновационной волны на запад привело к появлению в Западной Европе альбигойцев, в 12-13 вв. контролировавших южные районы Франции.

Итак, при анализе диффузии инноваций не следует просто фиксировать распространение конкретного явления, поскольку диффузия инноваций не является механическим процессом «прямого переноса». Нужно также отслеживать варианты реакции среды, которые не сводятся к одной лишь простой ассимиляции или даже стимулированной извне частичной трансформации местной культуры. Реакция отторжения с неким «симметричным» ответом на вызов внешнего мира, например, созданием нового культа тоже один из возможных процессов культурной диффузии.

Из культурологии известны и другие реакции, например, взаимодействие, когда «внешняя» и местная культура вступают в обмен ценностями. Результатом может стать формирование синкретической культуры.

Также говорят о колонизации, когда инновации навязываются местной культуре, что обычно влечет за собой утрату ею целостности и появление целой гаммы последствий от формирования оппозиционных традиционалистских групп до синкретизма и даже полной переориентации отдельных групп на «импортные» ценности. Рассматривается и процесс геттоизации, когда культурная группа начинает вести изолированное существование в чуждой среде, как это было с евреями в средневековой Европе.

Концепция Т. Хегерстранда нередко подвергалась критике за механистический подход (в частности, следует обратить внимание на критику со стороны Джеймса Блота). Действительно, она скорее изображает процесс, нежели его объясняет, т.е. выполняет инструментальную функцию. На наш взгляд, разумеется, что культурно-географическое исследование должно анализировать культурно-исторический контекст диффузии, что очевидно следует из проведенного выше сопоставления возможных вариантов реакции местной среды на инновацию.

Динамическое культурно-географическое исследование оперирует не только направлениями и типами диффузии, но еще целым рядом понятий и концепций.

Например, это *концепция барьеров*, стоящих на пути культурной диффузии. Выделяются несколько типов барьеров:

— Абсорбирующие барьеры полностью «впитывают» культурное явление и препятствуют его дальнейшему распространению.

— Прерывающие барьеры представляют собой физические препятствия для диффузии, столь значимые в прошлые эпохи (моря, пустыни, горные хребты).

— Существуют и проницаемые барьеры, которые отфильтровывают культурный «поток», частично пропуская его содержимое на новую территорию.

Роль прерывающего барьера для протестантизма, например, сыграли Пиренеи. Хотя это совсем не означает, что Испания была полностью изслеривана от Европы и европейских течений. Просто ее географическая обособленность стала еще одним фактором, который способствовал сохранению здесь католической традиции. Интересен и другой пример: распространению эллинизма при Александре Македонском на севере помешали Балканы, зато восточная экспансия оказалась успешной, и ученые находят следы древнегреческой цивилизации во всей Передней Азии. Однако и здесь роль культурного барьера сыграл Инд, за которым уже сложилась своя цивилизация. И лишь позднее, по мере определенного «старения» индийской цивилизации, она позволила прорвать свой барьер, сделав его проницаемым: результатом стало мусульманское политическое влияние в Северной Индии и распространение ислама, особенно заметное вдоль древнего барьера по реке Инд (нынешний мусульманский Пакистан). А преодоление европейцами океана, с развитием техники утратившего роль прерывающего барьера, повлекло за собой их высадку на индийском побережье и начало западной экспансии в Индостане.

Анализ путей распространения инноваций заставляет объяснять причины большего или меньшего сопротивления среды, большей или меньшей вязкости пространства. В плотных, компактных сообществах работает т.н. «эффект соседства», и явление распространяется быстро. Но нередко приходится сталкиваться с полным и не всегда легко объяснимым «нераспространением» (*nondiffusion*, как называли это явление критики Т. Хегерстранда). Так, тот же эллинизм мало повлиял на жизнь населения Балкан и ушел на Восток, а вот когда Греция стала центром православия, это религиозное течение достаточно легко распространилось среди балканских народов.

Еще одна распространенная тема — зависимость процесса диффузии от расстояния. В географических работах часто можно встретить механистическое представление о том, что восприимчивость среды к инновациям уменьшается с расстоянием от центра инно-

вации (в англоязычной литературе это явление называется distance decay). Однако для культурной географии это совсем не очевидно. Здесь процесс диффузии часто идет неисповедимыми, «окольными» путями и не может описываться по банальной схеме «чем дальше, тем меньше». В конечном счете может оказаться, что удаленные периферии воспринимают инновации с большим энтузиазмом, чем центры, как например, католицизм сохранил наибольшее влияние на окраинах Европы — в Ирландии, Польше и на Мальте. Но тем временем центры «устаревших» инноваций могут развивать новые культурные формы, как это происходило и происходит в той же Европе.

Сложный процесс культурной диффузии приводит к формированию двух культурно-географических полюсов — инновационного и традиционного. Центры инноваций сочетаются с очагами и убежищами традиции и вместе создают особую структуру культурного пространства. Активная экспансия «чуждых» инноваций может приводить к возникновению изолированных убежищ традиции. Можно вспомнить бегство египетских жрецов-традиционалистов в Нубию, где около 750 г. до н.э. они создали теократическое царство Напата. Много позже такими убежищами для православного христианства стали Мистра в горах Пелопоннеса (и, кстати, недалеко от древней Спарты) и знаменитая гора Афон.

Динамические исследования позволяют исследовать иерархическое строение культурного пространства. Эта иерархия открывается нам при исследовании функциональных районов и становится еще более ясной после изучения историко-географического контекста и диффузионных процессов. Иерархически выстроенное культурное пространство функционирует по модели «центр-периферия». Оно имеет в своем составе центры культуригенеза нескольких порядков и периферии, являющиеся как акцепторами инноваций, так и очагами традиции.

Исследование культурной диффузии позволяет говорить о центрах зарождения крупнейших цивилизаций древности, которые как бы всколыхнули культурную карту мира, выделившись в качестве

первых центров нового культуригенеза. Интересно отметить, что такими центрами стали долины крупных рек — Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы.

Показательным и интересным процессом стала диффузия мировых религий. В качестве классического можно рассматривать процесс распространения христианства. Здесь можно выделить и первоначальный центр его зарождения — Палестину с ее столицей Иерусалимом. Можно проследить первые направления диффузии в Восточном Средиземноморье, взяв за основу путешествия апостола Павла и географию его посланий. Можно рассматривать постепенную иерархическую диффузию христианства через средиземноморские портовые города и прибрежные районы в Малой Азии, Фракии, Северной Африке, Южной Испании, низовьях Роны и др. вплоть до установления господства этой религии в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, практически на всем пространстве Римской империи. Затем уже идет процесс глобализации христианства в результате многовековой миссионерской деятельности, вследствие которой христианство стало крупнейшей религией мира, исповедуемой в уголках Земли, удаленных от Иерусалима на многие тысячи километров. Параллельно можно рассмотреть процесс усложнения внутренней структуры христианского пространства, появления в нем своих инновационных и конкурирующих центров, результатом чего стали расколы «Запад — Восток», прошедший между Римом и Константинополем, и «Север — Юг», разделивший Европу на протестантскую и католическую части.

По похожей схеме развивались в пространстве и другие религии. Ислам имел свой очаг в Аравии, свои пути распространения, переживал свои географические расколы, испытывал усложнение своей территориальной структуры путем развития новых центров. Аналогичные процессы можно рассматривать в отношении индуизма, буддизма и др.

Геокультурная динамика представляет собой бесконечный процесс. Здесь можно наблюдать создание все новых центров, упадок старых культурных очагов и строительство новых на бывшей пери-

ферии, возрождение старых центров и т.д. Общей тенденцией можно назвать включение все новых территорий в мировой культурный процесс, появление все большего числа центров, причем число новых центров превосходит число теряющих свое значение. По сути, в мире происходит непрерывная цепная реакция распространения культурных форм и явлений, вовлекающая в этот процесс все большую территорию. В этой связи и понятие периферии становится все более условным, поскольку культурная пассивность не характерна: территории активно позиционируют себя в качестве очагов традиции или новых центров создания новых культурных форм.

Этот процесс можно проследить от самых начал цивилизации. В качестве отправной точки можно взять Месопотамию. Сначала здесь около тысячи лет развивалась полицентрическая шумерская цивилизация. Затем возникла Аккадская империя с центром к северу от шумерского хартленда. Расширение культурного пространства приводит к появлению Ассирии, расположенной выше по Тигру и играющей роль северного дублера и конкурента «старой» Месопотамии. Древняя Месопотамия как бы обрастает активными соседями, включающимися и в политический, и в культурный процессы. Дальнейшее обновление хартленда приводит к подъему нового центра — Вавилона, развитие которого дает новый импульс для всей Месопотамии и окружающих ее земель. Параллельно можно наблюдать создание все новых центров: в Анатолии в 17-13-м вв. до н.э. существует Хеттское царство, в 15-14-м вв. до н.э. переживает расцвет царство Митанни, расположенное вверх по Евфрату, в 14-м в. происходит новый подъем Ассирии (Средняя Ассирия в 14-11-м вв. и Новая Ассирия в 10-7-м вв.). Затем в 9-8-м вв. в горах к северу от Ассирии появляется Урарту, а в Анатолии, на месте Хеттского царства — Фригия, затем — Мидия в 8-6-м вв. и Лидия в 7-6-м вв. Наконец, в 6-м в. в горах над Месопотамией возникает Персия, наследующая более древнему Эламу и даже использующая его столицу Сузы в качестве зимней резиденции своих царей. Тем временем Вавилон живет своей жизнью, в 7-6-м вв. историки выделяют Новую Вавилонскую империю, вокруг которой по всему Ближ-

нему и Среднему Востоку формировались все эти новые культурные центры.

Интересная геокультурная динамика оказывается характерна и для Средиземноморья. Первые культурные центры появляются на его восточных и юго-восточных берегах — Египет и Финикия. Затем новым центром становится Крит, испытывающий сильное египетское влияние. Далее Крит как бы передает инициативу Греции, которая превращается в мощный центр античной культуры, включающий также западное побережье Малой Азии, Сицилию и через сеть колоний консолидирующей уже все Средиземноморье. Через определенное время начинается подъем периферийной греческой провинции Македонии, которой удается сформировать новое культурно-политическое пространство, простирающееся далеко на Восток, вплоть до Инда и Сырдарьи.

Новые культурные процессы в античном мире приводят к интенсивному развитию другой бывшей периферии античного мира — Апеннинского полуострова. После того, как при Александре Македонском маятник качнулся на Восток, происходит смещение средиземноморских центров на Запад: на смену Древней Греции приходит Италия, а на смену талассократической Финикии — ее бывший западный форпост Карфаген. Теперь вместо Афин и других греческих полисов консолидировать Средиземноморье начинает Рим. Новое смещение центров культурной активности происходит с появлением христианства, которое влечет за собой возрождение восточной части Средиземноморья, сопровождаемое впоследствии развитием Византии как второго, «восточного» Рима, в то время как западные центры смещаются к северу, к франкам и германцам и вдаль от Средиземного моря. На этом этапе уже происходит «разлом» Средиземноморья на Запад и Восток, причем симметричным ответом на «уход» западного центра на север становится появление на Востоке нового центра в другой периферийной и строго говоря не средиземноморской области — Аравии. Крестовые походы были уже попыткой насильственно присоединить восточный очаг христианской культуры к западной цивилизации.

На этих двух примерах мы попытались показать, как процесс диффузии культурных инноваций и связанной с нею политической экспансии делает культурное пространство «живым», динамичным и заставляет его развиваться в рамках географической логики появления, смещения и возрождения культурных центров. Этот процесс имеет и свою геоаксиологическую составляющую. Достаточно вспомнить распространенную в средние века теорию «странствующего Рима» как своеобразной культурной столицы мира. В этом качестве воспринимались «изначальный» Рим, Константинополь и, наконец, в соответствии с известной доктриной — Москва как «третий Рим».

Характерно, что периферии в этом процессе отнюдь не обречены на прозябание, они просто ждут своего часа. Так, Британия веками представляла собой глухую европейскую окраину — сначала она находилась на периферии кельтской цивилизации, потом заселялась с континента германцами, подчинялась датчанам, норвежцам, норманнам, находясь как бы в тени агрессивной Скандинавии. Но постепенно она выходит в лидеры, используя свое географическое положение, и становится центром культурогенеза, связанного с промышленной революцией, распространившейся по всему миру.

Прорыв периферии оказывается очень характерен и для 20-го в. Новые страны, некоторые из которых появились совсем недавно, предлагают новые культурные программы, идеологии, доктрины, национальные модели развития. Так, Ливия, некогда — «пустота» между Магрибом и Машриком («потерявшаяся» в результате распада Римской империи), при М. Каддафи пытается стать мощным центром консолидации, экспериментируя с исламским социализмом, антизападным мессианством и panaфриканизмом. А в Латинской Америке вызывает своя версия реформы католицизма, известная как теология освобождения.

Исследование геокультурной динамики и культурной диффузии не исчерпывается обобщенным анализом культурных характеристик и групповых особенностей. Здесь применим и личностный подход, поскольку индивидуальное, авторское творчество имеет свою динамику. Ее можно изучать *методом геобиографий*, т.е. биографий

с определенной территориальной привязкой. Геобиографии позволяют установить место рождения автора, места, где он формировался как личность, рос и учился, наконец, места его творческой деятельности. Промежуточным результатом такого исследования является определение географического происхождения отдельных авторов или их групп, например, представляющих определенный стиль, и территорий, с которыми был связан их жизненный путь и творческий процесс. Конечный результат — изучение влияния этой географии на содержание самих произведений.

4.4. Экологический подход

Культурная экология представляет особый подход в культурной географии, который рассматривает культурный процесс в отношении к окружающей среде и прежде всего к природным условиям и факторам. *Главным вопросом культурной экологии является взаимодействие человека как носителя определенной культуры и природы, которое рассматривается как двусторонний процесс, как взаимное влияние.*

С одной стороны, можно говорить о влиянии окружающей среды на культуру. Этой теме посвящено множество работ, в которых рассматривается, например, как природные условия повлияли на религию, содержание мифов, не говоря уже о бытовой и экономической культуре, которые в прошлом напрямую зависели от природы. С другой стороны, несомненно влияние людей через их культуру на экосистемы, в которых они развиваются. Оно выражается в формировании особых культурных ландшафтов и изменении природно-климатических условий вследствие человеческой деятельности. Эта тема тоже весьма популярна.

Экологический подход заключается в помещении культурного процесса в природную среду. Одной из главных его задач является определение условий, при которых происходит определенный процесс, или возникает определенное явление. Следующая задача — определение территорий, где возможны или невозможны определенные культурные процессы и явления. Третья задача — рассмот-

рение природных и культурных факторов в комплексе, анализ процесса их взаимовлияния.

Очевидно, что культурная экология находится на пересечении интересов культурной и физической географии. Только если физическая география склонна говорить об антропогенных факторах, воздействующих на природные процессы, то культурная география ставит во главу угла человека и его культуру. Ее в первую очередь интересует именно взаимовлияние культуры и природы.

Изучение этого процесса в прошлом зачастую приводило к крайностям *географического детерминизма*, когда активные силы природы, как казалось исследователям, напрямую влияли на культурный процесс. Сегодня можно говорить не о жесткой причинно-следственной связи, и человек уже не может рассматриваться как продукт земной поверхности.

Другая теория — *поссибилизм* снимает жесткую причинно-следственную связь геодетерминизма и говорит о наборе возможностей, которые природа предоставляет человеку. Последний же сам, в соответствии со своими традициями, со своим культурным наследием делает определенный выбор. С поссибилизмом связана концепция культурной адаптации, которая говорит о длительном приспособлении людей к окружающей среде и изменениям в ней.

Исследование влияния природных факторов на культуру остается необходимым и крайне важным. Учитывая, что традиции формировались в прошлом, когда зависимость человека от природы была одним из основных факторов его жизнедеятельности, можно легко проследить влияние природных условий на обычаи, традиции и верования. Ясно, что способ хозяйствования, быт, жилище ранее напрямую зависели от природы. Л. Мечников в своей знаменитой работе показал, как природа и ее сезонные изменения влияли на формирование великих цивилизаций, которые все как одна оказались привязаны к долинам крупных рек (26). Духовная культура тоже подвержена влиянию природных условий. Это очевидно для анимистических, языческих культов, которые населяют природные

объекты сверхъестественными существами, а пантеон богов у которых соотносится с природными явлениями. Также очевидно, что природа влияет на искусство, выступая в качестве и источника вдохновения, и предмета для изображения.

Однако природные условия повлияли и на монотеистические религии. Например, циклы религиозных праздников похожи во многих религиях и во многом привязаны к смене времен года. Пустынные условия Аравии явно повлияли на содержание Корана и кодекс поведения мусульманина. Консерватизм культурной традиции нередко способствует сохранению старинных обычаев и сегодня, несмотря на развитие науки и техники. Таким образом, природа влияла и влияет на все виды культурного творчества — религию, искусство, быт, хозяйственную культуру.

Известные и плодотворные исследования в нашей стране посвящены изучению влияния природных условий на возникновение и развитие этносов. Здесь прежде всего нужно сослаться на Л. Гумилева, представившего наиболее полную теорию отношений между культурной группой и природным ландшафтом. Л. Гумилев определил особую динамику отношений между этносом и средой. Он связал этногенез с переходными ландшафтами, такими, например, как предгорья, приводя в качестве примера формирование тюрков на Алтае. Завершающим же этапом этногенеза является состояние гомеостаза — динамического равновесия этноса с окружающей средой, означающего потерю этносом творческого импульса (12). В дальнейшем в нашей стране появлялись работы по этноэкологии, которые как раз и были посвящены взаимоотношениям между этносом и природой там, где природные факторы сохраняют свое определяющее значение (работы И. Крупника, посвященные эскимосам Чукотки).

Противоположный подход рассматривает людей как преобразователей земли, его можно назвать *модифицированием* (от англ. *modifiers*). Он возник как прямая противоположность географическому детерминизму, который воспринимал человеческое начало как пассивное. Его создателем считается американец Джордж

Перкинс Марш⁸. В своей работе этот автор обратил внимание на изменения, зачастую необратимые, которые человек производит в окружающей среде. Прежде всего он считал, что модифицирующая деятельность характерна для западного человека, который в соответствии с западно-христианской традицией считает, что своей деятельностью он помогает Богу завершить творение. В целом же каждый народ имеет свою культуру природопользования (в отечественной литературе этот вопрос рассматривал Э. Кульпин, об этом писал И. Крупник в своей знаменитой работе «Арктическая этноэкология»).

Крайняя форма такого подхода называется *культурным детерминизмом*, который рассматривает одностороннее преобразующее влияние культурных факторов на природу. Однако более глубокие исследования предполагают не детерминизм, а исследование влияния человека на окружающую среду. Это влияние может напрямую выражаться в ландшафте, который человек дополняет или «заменяет» творениями своих рук — разнообразными сооружениями, сельскохозяйственными угодьями и т.д. Или оно является косвенным, когда хозяйственная деятельность влечет за собой перемены в климате, почвенном покрове, флоре, фауне и т.п. Еще одним примером служит сознательная деятельность по имитации природных объектов в эстетических или утилитарных целях — создание парков, искусственных озер и др. Наконец, культурная группа, осознав последствия своего вмешательства в жизнь экосистемы, может воспринять природу как часть своего наследия и заняться его охраной, выделив в своем пространстве специально охраняемые территории — заповедники, национальные парки, резерваты.

Еще один подход в культурной экологии называют *перцепционизмом*, или *энвайронментальной перцепцией* (environmental perception). По сути, он близок к геоаксиологии. Перцепционизм рассматривает ментальные образы и отношения к природе, свойственные предста-

⁸ Основная работа этого автора — «Man and Nature or Physical Geography as Modified by Human Action» вышла в 1864 г.

вителям определенных культурных групп. По мнению сторонников этого подхода, поведение каждой группы основано на этих представлениях. Например, к стихийному бедствию можно относиться как к наказанию, ниспосланному за грехи, а можно как к препятствию, которое должно быть преодолено. В каждом случае выбор делается в соответствии с культурной традицией. То же относится и к освоению природных ресурсов: для одних народов они могут обладать сверхвысокой ценностью, для других — быть совершенно бесполезными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложный процесс становления культурной географии, на наш взгляд, отражает сложность поставленной ею амбициозной задачи. По сути, культурная география предлагает способ целостного постижения мира, в котором мы живем. Она видит, глубоко чувствует его внутренние различия, определяя границы, внутренние рубежи между культурно-географическими единицами. И она понимает каждую такую единицу как сложный комплекс взаимосвязанных явлений, а, видя взаимосвязи, понимает и условность границ. Тем самым ей удается сочетать анализ и синтез, и, эффективно оперируя границами и культурно-территориальными комплексами, давать яркое, целостное представление об ойкумене.

В данной работе предлагается теоретико-методологическая «матрица», позволяющая обозначить основные направления культурно-географических исследований, определить их цели и наметить методы. Думается, что культурная география способна занять видное место в системе наук и не просто как «очередная» переходная дисциплина, расположенная где-то между культурологией и географией и «вторгающаяся» в экономику, политологию, демографию и др. Во-первых, в ее «переходности» и собственном многообразии уже заложен громадный потенциал преодоления узкодисциплинарных границ и выхода на целостное восприятие мира, не «замутненное» частными подходами и концепциями. Во-вторых, об-

ласть знания, в которой работает культурная география, сама по себе имеет непреходящее значение, поскольку речь идет об основах человеческого бытия. А поскольку творческая деятельность человека неразрывно связана с пространством, культурная география имеет полное право на свою глубокую и оригинальную интерпретацию структурных характеристик ойкумены со всем ее богатейшим наполнением. Она способна успешно сочетать «глобальные» и «локальные» подходы, увязывая большие и малые пространства в единую систему, соединяя разнородную информацию и проявляя, казалось бы неуместный в 21-м в. энциклопедизм, без которого, однако, понять мир просто невозможно.

Особую важность для нас имеет изучение русской культуры как «живого», развивающегося в пространстве феномена. Мы сможем проследить диффузию ее образцов, формирование и внутреннюю перестройку культурных районов, смену и напластование культурных образцов, определяющих их специфику. Более широкая задача — понять, интерпретировать поликультурное пространство России и в целом центрального ядра Евразии с его характерной мозаичностью и взаимопереплетением культурных традиций.

В перспективе требуется операционализация, подробная и тщательная проработка описанных выше направлений, методов, понятий. В этом процессе, безусловно, откроются новые факты, новые возможности. Повторимся, что наша наука нуждается в гораздо большем объеме и гораздо большей глубине исследований, которые позволят глубже и точнее постигать разнообразие мирового культурного пространства.

Литература

1. Александренков Э.Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнографии // Концепции зарубежной этнологии: критические эподы. М., 1976.
2. Алексеев В.П. Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика // Природа, 1975, №7.
3. Андрианов Б.В., Доскач А.Г. Хозяйственно-культурная дифференциация народов мира и географическая среда // Природа, 1983, №4.

4. Алеников В.В. География и культурология // Изв. РАН. Сер. геогр. 1998, №4, с. 134-136.
5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Литературно-критические статьи. М., 1986.
6. Букришская И. и др. Язык русской деревни. Школьный диалектологический атлас. М., АО «Аспект-Пресс», 1994.
7. Веденин Ю.А. Искусство как один из факторов формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР. Серия географическая. 1988, №1.
8. Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Серия географическая. 1990, №1, с. 3-17.
9. Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование России — ориентир культурной политики // Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск №2. М., ГИВЦ МК РФ, 1997, с. 3-99.
10. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб, «Дмитрий Буланин», 1997.
11. Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы. Л., М., 1930.
12. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., Гидрометеоиздат, 1990.
13. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., «Книга», 1991.
14. Дружинин А.Г. Методологические основы географических исследований культуры // Известия ВГО, т. 121, вып. 1, 1989, с. 59-64.
15. Дружинин А.Г. География культуры: некоторые аспекты формирования нового научного направления // Известия ВГО, т. 121, вып. 4, 1989, с. 307-312.
16. Ерасов Б.С. О статусе культурно-цивилизационных исследований // Цивилизации и культуры. Вып. 1. М., 1994.
17. Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. Смоленск, «Ойкумена», 1999.
18. Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Выпуск пятый, 1947.
19. Каганский В.Л. Мир культурного ландшафта. Наука о культуре: итоги и перспективы. Выпуск третий. М., 1995, с. 31-46.
20. Калущков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А. и др. Культурный ландшафт Русского Севера. М., Издательство ФБМК, 1998.
21. Крушик И.И. Арктическая этноэкология. М., «Наука», 1989.
22. Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Смоленск, Изд. СГУ, 1998.
23. Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVII — начала XX вв. (геокультурный аспект). М., Институт Наследия, 1998.
24. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М., «Русская книга», 1992.
25. Маркрян Э.С. О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962.
26. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. (Впервые издана на французском языке в 1889 г.).

27. Пучков П.И. Современная география религий. М., 1975.
28. Родоман Б.Б. Саморазвитие культурного ландшафта и геобионические закономерности его формирования // Географические науки и районная планировка. Сб. II. М., 1980.
29. Родоман Б.Б. Пейзаж России. М., Изд-во РОУ, 1994.
30. Русские: историко-этнографический атлас. М., 1967.
31. Стрелецкий В.Н. Эпическое расселение и география культуры // ..... М., 2001.
32. Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВП, 1994.
33. Тойнби А. Постигание истории. М., «Прогресс», 1991.
34. Токарев С.А. Венская школа этнографии // Вестник истории мировой культуры, 1958, №3.
35. Туровский Р.Ф. Российское и европейское пространства: культурно-географический подход // Известия РАН. Серия географическая, 1993, №2, с. 116-122.
36. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М., Институт Наследия, 1998.
37. Чеснов Я.В. Теория «культурных областей» в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976.
38. Шпенглер О. Закат Европы. М., «Искусство», 1993.
39. Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture*, 1963.
40. Blache P. Vidal de la. *Principles of Human Geography*. N.Y., 1926.
41. Fellmann J., Geis A., Geis J. *Human Geography. Landscapes of Human Activities. Third Edition*. 1992.
42. Hägerstrand T. The Propagation of Innovation Waves // *Readings in Cultural Geography*. Ed. by Wagner P.L. and Mikesell M.W. Chicago and London, 1962.
43. Hägerstrand T. *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago, 1967.
44. Jordan T. *The European Culture Area. A Systematic Geography*. N.Y., 1979.
45. Jordan T., Rowntree L. *The Human Mosaic. A Thematic Introduction to Cultural Geography*. Fourth edition. N.Y., 1986.
46. Kroeber A.L. *Configurations of Culture Growth*, L.A., 1944. *Style and Civilization*. N.Y., 1957.
47. *Readings in Cultural Geography*. Ed. by Wagner P.L. and Mikesell M.W. Chicago and London, 1962.
48. Salter C.L. *The Cultural Landscape*. Belmont, Ca., 1971.
49. Sauer K. *Morphology of Landscape* // University of California. *Publications in Geography*. 1925, Vol. II, 12.
50. Sauer K. *Recent Developments in Cultural Geography* // Hayes E.C. (ed.). *Recent developments in the Social Sciences*. N.Y., 1927.
51. Sauer K. *Agricultural Origins and Dispersals*, 1952.
52. Zelinsky W. *The Cultural Geography of the United States*, 1973.

ОЛЬГА ЛАВРЕНОВА

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ: СЕМАНТИКА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА, САКРАЛЬНАЯ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Современные методы географии культуры позволяют изучать наряду с географическим пространством информацию о нем, имеющую культурный генезис. В соответствии с концепцией культурного ландшафта, географической реальностью особого рода признается осмысление географического пространства культурой, которое имеет много уровней — от ассоциативного до эстетического и сакрального. Понятие «культурный ландшафт» в географической науке чрезвычайно размыто, и существует множество его определений. Здесь и далее будет использоваться в качестве рабочей концепция Ю. Веденина, где культурный ландшафт рассматривается как «целостная и территориально локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей» (1).

В современной западной философии географическое пространство представляется как тотально-ментальное, где представление о географическом пространстве превратилось в само географическое пространство (2).

Образ места, смысл места — наиболее емкие понятия и объекты изучения географии культуры, т.к. они включают в себя визуальные и эстетические характеристики места, его эмоциональное воздействие, его символику (3).